

Альбигойский Крест. Сенешаль Каркассона

Виктор Бушмин

Виктор Бушмин

**Альбигойский Крест.
Сенешаль Каркассона**

«Автор»

2023

Бушмин В. В.

Альбигойский Крест. Сенешаль Каркассона / В. В. Бушмин —
«Автор», 2023

Смерть графа Симона де Монфор не перечеркнула труды крестоносцев и короля Франции. Монсегюр и Тулуза должны пасть. Интриги, шпионаж и загадочные ледящие душу события встанут на пути молодого крестоносца.

© Бушмин В. В., 2023

© Автор, 2023

Виктор Бушмин

Альбигойский Крест. Сенешаль Каркассона

ПРЕДИСЛОВИЕ:

Смерть Симона де Монфора поставила жирное многоточие в альбигойской драме. Народ и мятежные южные дворяне, казалось, немного воспрянули духом и стали, шаг за шагом, отвоювывать и возвращать себе все то, что с таким трудом, страданиями и кровью завоевали альбигойские крестоносцы.

Ги де Леви находился в своеобразном отпуске в *родовом замке Сент-Ном*, наслаждался мирной тишиной, семейной идиллией и любовью своей несравненной Жанны. Его старший сын стал рыцарем и верно служил королю Филиппу Завоевателю, прозванному позднее «Августом», и принцу Людовику, которого за храбрость, дерзость и безрассудство, граничащих с упертостью, прозвали «Львом».

О последних годах безумно яркой жизни Филиппа Завоевателя, о французском рыцарстве, окружавшем его, об интригах, заговорах, убийствах и приключениях рассказывается в этой книге.

ГЛАВА I

Гонец.

Замок Сент-Ном. 14 апреля 1221 года.

Тихий стук в дверь разбудил рыцаря, спавшего в объятиях своей жены. Он приоткрыл глаза, прислушался. Стук в дверь повторился, на этот раз более требовательно, чем вначале.

Сорокалетний сеньор потянулся, аккуратно, чтобы не разбудить жену, снял ее нежную руку со своей груди, встал и открыл дверь комнаты. На пороге стоял слуга, мнувшийся с ноги на ногу.

– Что такое, Жак?.. – тихо спросил его рыцарь, с трудом сдерживая зевоту. Почти два мирных и спокойных года, проведенные им в родовом замке, немного расслабили его, позволяя радоваться тихими семейными радостями, охотами, рыбной ловлей и общением с любимой женой, которой, если быть честным, рыцарь задолжал много нежности, проводя долгие годы в походах и религиозных войнах на юге Франции.

– Сеньор, – слуга поклонился, – прибыл срочный гонец от его величества короля Франции.

– Э-эх, – грустно вздохнул рыцарь, – проводи его в каминный зал, накорми и напои, как следует. И, смотри у меня, не забудь выставить серебряную посуду с *арагонскими гербами моей покойной жены*, а то, как в прошлый прием мессира де Марли, стыда не оберешься...

– Будет исполнено, хозяин... – ответил полушепотом слуга и побежал исполнять приказания.

Ги де Леви *маршал де Ла Фо*, от души зевнул, еще раз потянулся, похрустев суставами, и пошел переодеваться. Он прошел мимо постели, на которой с мирным и прелестным видом спала его супруга Жанна, тихонько наклонился и поцеловал ее в нежную, словно бархатистую, щечку.

Жанна улыбнулась во сне, и что-то прошептала неразборчиво, но безумно мило и сексуально, с придыханием. Ги улыбнулся, он обожал, когда его жена ворковала с ним, восхищаясь красотой, сочностью и певучестью тембра ее голоса. Он прошел в дальнюю комнату, граничащую со спальней, умылся и быстро переоделся в кожаный камзол, богато украшенный бархатом и серебряным шитьем, шерстяные штаны и высокие сапоги из крепкой испанской кожи, нацепил пояс с кинжалом и спустился в каминный зал.

Гонец сидел за столом и с довольным видом заканчивал доедать ногу оленя, обильно приправленную южными пряностями, не забывая при этом запивать большими кубками анжуйского вина.

Едва Ги де Леви вошел, слуга громко и торжественно ударил своим длинным жезлом по каменным плитам каминного зала и произнес, придавая, как можно большую, торжественность:

– Высокородный Ги де Леви маршал де Ла Фо, сеньор де Сент-Ном и *владелец сеньории Мирпуа по праву завоевания!*..

Гонец спешно вскочил, бросил недоеденный кусок оленины, вытер губы и руки выбеленной холстиной и поклонился. Он, с самого начала, был поражен богатством и красотой каминного зала. Стены были украшены трофейным оружием и щитами, с преимущественно арагонскими и южно-французскими гербами, показывающими храбрость и значимость владельца замка Сент-Ном.

Ги де Леви подошел к нему и спросил:

– Я надеюсь, что вы не долго ожидали меня? Полагаю, – он окинул взглядом стол, гонца и слуг, – что слуги мои ничем не оскорбили вас?..

– Что вы, сеньор маршал... – запинаясь, ответил гонец и поклонился. – Право, ваше гостеприимство делает честь многим графам...

– Прекрасно, мессир рыцарь... – с деланным равнодушием произнес Ги. – Присаживайтесь, откушайте, чем Бог послал, потом, после еды, мы и поговорим...

– Спасибо, сеньор маршал, – поклонился гонец, покосился на оленью ногу, вино, потом, вспомнил и добавил. – Вам, сеньор маршал, срочное письмо от его величества Филиппа, Божьей милостью короля Франции...

Гонец вынул из сумки пергамент, свернутый в рулон и скрепленный большой сургучной печатью, и протянул его маршалу. Ги де Леви, как и полагалось, встал на одно колено, принял пергамент, коснулся его губами и приложил к сердцу, после чего, встал и сломал печати на нем.

– Продолжайте, мессир рыцарь, – кивнул гонцу Ги, указывая на стол с вином и закусками. – Я, с вашего позволения, пока прочитаю письмо короля...

Гонец поклонился, сел за стол и, как ни в чем небывало, принялся доедать вкусную и отлично прожаренную оленью ногу.

Маршал де Ла Фо пробежал глазами письмо короля, грустно кивнул несколько раз головой, вздохнул и тихо прошептал:

– Все. Мирной жизни конец...

Он свернул пергамент, подошел к гонцу и сказал:

– Продолжайте, мой друг, я отойду с вашего позволения. Мне необходимо отдать кое-какие распоряжения относительно моего отъезда...

Гонец попытался встать, но Ги де Леви махнул ему рукой и нахмурился:

– Не прерывайте трапезу, мессир! Нам предстоит скорая дорога, наберитесь сил, отдохните, откушайте, словом, не обижайте меня, как хозяина!..

– Спасибо, сеньор маршал... – ответил гонец. – Но, *монсеньор Герен* приказал мне немедленно возвращаться в Париж.

– Ничего страшного не произойдет, если вы, как следует, передохнете с дороги, закусите и выпьете за здоровье короля, монсеньора Герена и моей дорогой супруги, чьими стараниями и заботами поддерживается тепло очага в этом доме. Я выеду в Париж завтра поутру...

Гонец молча пожал плечами и принялся за еду. Ги де Леви вышел из каминного зала, по пути в спальню он спросил слугу, который спешил за ним:

– Где мой старший сын?

– Хозяин, молодой Ги рано утром уехал на охоту. Он пообещал вашей супруге и своей матушке наловить бобров для вашей новой накидки.

Ги посмотрел на него, несколько удивленно приподнял одну бровь и сказал:

– А не рановато-ли бездельнику заниматься ловлей бобров вместо занятий по рыцарскому делу? Да еще в такое время и одному?

– Так он не один, хозяин, – ответил старый слуга, – он с тремя оруженосцами и одним здешним крестьянином, который знает все заводы и уголки Иветты – нашей милой речушки.

– Ну что ж. Неплохо. Пусть привыкает к жизни и учится всему, – бросил на ходу маршал, – Но с сыном хочу переговорить перед отъездом к королю...

– Что вы, хозяин, – не понял слуга, спеша за ним. – Мадам Жанна великолепно знает способы выделки мехов! У нее, ей Богу, золотые руки и золотое сердце!

– Ладно, – кивнул ему маршал, берясь за ручку двери спальни. – Как сын вернется, передай ему, чтобы начинал сборы. Мы уезжаем в Париж...

– Ух, ты! В Париж!.. – восхищенно воскликнул слуга. – Надо же...

– Нечего радоваться, остолоп! Мы едем не прохлаждаться. Судя по всему, дело серьезное...

Слуга понял, что произнес очередную глупость, поклонился и стал пятиться назад. Ги открыл дверь в спальню, вошел, посмотрел на спящую Жанну, тихо закрыл дверь, боялся, что она может скрипнуть и разбудить ее, на цыпочках подошел к постели и аккуратно лег рядом с женой.

Жанна тихо посапывала во сне, ее смолистые черные и густые волосы разметались по подушкам. Она спала, лежа на спине, руки были разбросаны в стороны, одна нога немного согнута в колене. Она раскрылась. Было уже тепло.

Весна в этом году пришла быстро и, на удивление, очень скоро листва на деревьях и кустарниках стала появляться. Старожилы удивлялись столь ранней и теплой погоде, удивительной для этих краев. Поэтому, Жанна частенько не надевала ночную рубашку и ложилась спать обнаженной. В прочем, после возвращения ее любимого мужа из альбигойского крестового похода, ей нечего было бояться замерзнуть, так как тепло Ги согревало ночами. А, если честно сказать, Ги раздражало каждый вечер раздевать ее, развязывая в темноте многочисленные шнуры ее рубашки.

Ги тихо склонился и поцеловал ее теплый животик. Жанна улыбнулась во сне и что-то прошептала. Маршал улыбнулся и нежно пощекотал своими усами ее тело, он прикоснулся губами к соскам ее груди, Жанна застонала, тихо и томно, подалась всем телом навстречу ласкам. Ги нежно поцеловал ее шею и уткнулся носом в волосы, нежно дыша ей за ушком. Жанна открыла глаза, улыбнулась и томно прошептала:

– Милый, я так счастлива...

Ги улыбнулся и посмотрел на нее. Он не переставал любить и удивляться ее красоте, которая с годами становилась еще более притягательной, желанной и всепоглощающей. Жанна немного поправилась, ее животик и бедра округлились, придавая неописуемый шарм, который роды могут принести женщине, сделав желанней, привлекательней и еще более загадочной. Она прижалась к его груди и тихо зашебетала:

– Милый, мне сегодня снился удивительный сон. Я видела отца, братьев, нашу дорогу через земли Тулузы. Я снова была молодой и красивой, счастливой и...

– Ты и сейчас у меня просто чудо! – перебил ее Ги, поцеловав. – Ты, наверное, колдунья! Годы делают тебя еще желанней и желанней...

– Ах, оставь! Твои военные шуточки, порой, пугают меня. Надо же, обозвал меня колдуньей! – Обиженно надула губки Жанна. – Побойся Бога, милый...

– Иначе и не назовешь, любимая, – засмеялся Ги, продолжая целовать плечи, грудь и живот Жанны, – ты меня приворожила, присушила и околдовала! Я раньше был гуляка, бабник и хулиган! А теперь?..

– Бессовестный обманщик... – весело улыbnулась Жанна и крепко прижала голову Ги к своему теплому животу.

Ги медленно целовал ее живот, бедра, снова поднимался к плечам. Жанна стонала и томно прикусывала губу от удовольствия. Наконец, она тихо прошептала:

– Я соскучилась...

– Я тоже, милая... – прошептал Ги и нежно вошел в нее...

Они лежали и молча смотрели друг на друга, утомленные любовью и страстью. Грудь Жанны вздымалась, ее щеки горели, и в глазах светился удивительный блеск. Ги улыbnулся, поцеловал ее и сказал:

– Милая, мне надо ехать...

– Куда?.. – Жанна приподнялась на постели. – Зачем?..

Ги виновато пожал плечами:

– Король прислал гонца, мне надо срочно уезжать ко двору...

– Опять... – Жанна закрыла лицо руками.

– Почему, опять... – попытался успокоить ее Ги, отнимая руки от ее лица. – Мы итак, почти два года были вместе...

– Это ты считаешь нормальным? – Заплакала Жанна. – Нормальным?! Я не вижу тебя толком, ты вечно носишься со своими рыцарями, как оглашенный, по южным землям Тулузы, приезжаешь на годик-другой, и, пожалуйста, снова уезжаешь...

– Прошу тебя, умоляю, не плачь... – Ги поцеловал ее мокрые глаза. – Откуда ты знаешь, что я опять уеду надолго...

– А, как же мой сон?.. – грустно ответила Жанна. Она вдруг посмотрела на него и, хитро прищурив свои огромные черные глаза, спросила. – А, вдруг, ты обманываешь меня? Может, ты завел себе жену на Юге? Вот, король и пишет тебе. Вы же с ним, как это сказать, приятели, он и покрывает твои загулы...

– Побойся Бога, милая... – засмеялся Ги. – Какая, к черту, жена в Тулузе...

– Ну, не в Тулузе, значит, в Каркассоне... – не унималась Жанна, ревнуя Ги.

– А, причем тут Каркассон...

– Притом! Ты же был там сенешалем во времена покойного графа Симона де Монфора! Завел, наверное, какую-нибудь пылкую южанку, она окрутила тебя, бестолкового, заворожила! Может, она и детей тебе успела нарожать?..

– Бред какой-то... – удивился Ги. – Пойми, мне никто не нужен, кроме тебя и наших детей!..

– Не знаю, не знаю... – засмеялась Жанна, – все вы так говорите, наверное, когда уезжаете от жен неизвестно куда!

Ги открыл рот от изумления, не находя слов возразить ей. Жанна посмотрела на него, громко засмеялась, поцеловала нежно, и тихо прошептала на ушко:

– Глупый! Я шучу...

– Ох, а я, признаться, просто растерялся... – улыbnулся Ги.

– Однако, милый! – Жанна улыbnулась и кивнула глазами на него. – Ты, мой родной, приятно оживился, когда я начала тебя ревновать! Смотри, как напрягся...

Ги не успел ответить, как Жанна опустила голову и... Голова закружилась, Ги судорожно глотнул воздух, закрыл глаза от удовольствия.

– Колдунья, – прошептал он, задыхаясь от удовольствия, – настоящая и самая любимая моя колдунья...

Они пролежали в постели почти до вечерней молитвы. Ги слышал, как слуги вывели коня гонцу, отрывистые разговоры во внутреннем дворе замка, цокот копыт по мощеному двору, все это пролетало, как в тумане. Начинало смеркаться, все-таки, апрельские дни были еще коротки, когда он услышал веселые голоса и цокот копыт. Вернулся сын, который вместе с

младшим братом и оруженосцами был на охоте. Судя по веселым голосам, смеху и шуткам, охота удалась им на славу. Ги приподнялся с подушек и грустно сказал ей:

– Все, милая, наш сын вернулся. Пойду, обрадую его неожиданной новостью...

– Ты поедешь сегодня? – с грустинкой в голосе уточнила Жанна, которая стала приводить свои волосы в порядок, заплетая их в тугие косы. – Может, уедешь завтра поутру...

– Посмотрим, родная моя... – рассеянно ответил Ги, глядя ее плечи. – Посмотрим...

Маршал привел в порядок одежды и вышел из комнаты, спустился вниз и столкнулся с сыном Ги-младшим, вторым сыном Филиппом и оруженосцами, которые несли около дюжины бобровых тушек. Младшая дочь рыцаря де Леви, Жанна, в это время занималась с нянькой и монахом, которые упорно вкладывали в ее прекрасную белокурую головку латынь, математику и основы хозяйствования. Жанне исполнилось тринадцать лет, ее тело стало принимать соблазнительные девичьи формы, а в голове вертелись только обрывки из романтических сирвент и *рыцарских романов мессира Кретьена де Труа*. Ее, куда больше, занимали вопросы моды, ткани, украшения и ароматические масла, нежели нудные уроки домашнего образования. Жанна сквозь пальцы смотрела на шалости своей единственной дочери, но спуску ей не давала, периодически поругивая за отсутствие прилежания в обучении.

– Милая моя, тебе необходимо знать, как правильно вести хозяйство в замке и управлять владениями, пока твой супруг будет воевать на чужбине... – настоятельно твердила мать юной вертихвостке, вспоминая в ней саму себя в молодости.

– Но, матушка, – обиженно надувала губки прелестная Жанна, – у меня еще нет супруга-рыцаря!..

– Будет, куда ты денешься... – улыбалась мать, любясь красотой своей дочери.

Филипп первый подбежал к отцу и прижал свою кудрявую головку к его мощной груди. Ему было четырнадцать лет, он был крепок и широк в кости, правда, как считал отец, излишне мягок и добр. Ги погладил его по голове и улыбнулся старшему сыну Ги.

– Как успехи, дети мои? – Весело спросил маршал де Ла Фо. – Охота, судя по всему, удалась на славу!

– Да, отец! – Заговорил Филипп, размахивая здоровыми бобрами. – Матушка будет рада!

Ги погладил Филиппа по голове и повернулся к старшему сыну, дождался, когда Филипп и оруженосцы уйдут, и сказал:

– Сегодня утром был королевский гонец. Его величество срочно отзывает нас из замка...

Ги-младший пожал плечами и спокойно ответил:

– Что поделаешь, отец, таков наш долг королевских шевалье...

Маршал улыбнулся, он любил своего сына Ги, прежде всего – за его спокойствие и невозмутимость, похлопал его по плечу и добавил:

– Давай, сынок, без суматохи. В ночь будем выезжать. Передохни часок-другой, а я пока распоряжусь о приготовлениях...

– Хорошо, отец... – Ги-младший поклонился отцу и пошел по коридору. Он обернулся и спросил отца. – А, мать-то, знает?..

– Знает, только не все. – Ответил отец, пожимая плечами. – Она пока не знает, что мы уедем сегодня в ночь. Вот, слез-то будет, мама родная!..

– Да, верно, отец. – Ответил сын, разводя руки в стороны. – Видимо, удел таков у женщин...

– Тебе бы еще рассуждать! Молоко на губах еще не обсохло! А, ты погляди, уже рассуждает о предназначении и доли женщины... – засмеялся отец. – Ступай, собирай вещи, ученый! Да! Чуть не забыл! Много с собой не бери, в случае чего, в Париже докупим...

– Хорошо, отец... – засмеялся сын. – Да и у меня много вещей нет, так, вооружение, да пара-тройка камзолов, только и всего...

– Ага! Скажи кому другому, только не мне! – Улыбнулся маршал де Ла Фо. – У кого может и действительно, несколько камзолов, но, прости меня сынок, только не у тебя. Ты, после общения с молодым принцем Луи стал таким модником, что мне, право, даже в голову не влезает, зачем тебе столько одежды, да все эти новомодные шлемы и прочая ерунда...

– Ну почему, отец. – Возразил Ги-младший. – Это я что-то толком не пойму, с чего это ты так привязался к своему старому шлему-шишаку с длинным дедовским наносником?..

– А-а-а, ну тебя... – отмахнулся отец. – Мне в нем удобно...

– Но, послушай меня, отец, – не унимался сын. – Сейчас практически все рыцари перешли на большие шлемы, они удобные, удары не так отдаются в голову, красивые. Их можно украшать перьями, лентами, шлемовыми наметами, а у тебя шлем, словно с ковра Байе!..

Маршал грустно вздохнул и ответил:

– Сын мой, этот шлем, который называешь старым и дедовским, принадлежал моему отцу, которому он достался после смерти его старшего брата!..

– И, что же! – Не понял Ги-младший. – теперь, значит, и мне придется его таскать?..

– Рановато ты меня хоронишь, сын! – Покачал головой маршал. – Этот шлем носил наш первый предок! *Мессир Годфруа де Леви! Первый сеньор в нашем славном роду!*..

– Да ну! – Удивился сын, всплеснув руками. – Неужели, отец, сам великий епископ Шартра носил этот шлем?! Вот это да!..

– Да, но, когда он был еще рыцарем, а не священником... – Ответил отец. – Все! Хватит болтать! Пойду, матери скажу...

– А я побегу собираться в дорогу... – ответил сын. – Вот, наверное, плач-то будет?!..

Отец молча развел руками...

Вечером, за ужином, когда слуги уже закончили укладку вещей, амуниции и оружия, Ги де Леви сказал Жанне о том, что они с сыном уезжают этой же ночью. Бедная женщина всплакнула, но, быстро взяла себя в руки – не к лицу ей, дочери из рода сеньоров де Вуазен, привыкших встречать врагов королевского дома на границах с Шартром, плакать перед слугами, благословила сына, поцеловала мужа и, тайком, вложила в ножны их мечей облатки Святых Даров, надеясь на помощь Всевышнего.

Ги де Леви с сыном выехали из замка и направились по северной дороге напрямик в Париж. Отъехав на триста шагов, Ги обернулся и посмотрел на свой родной замок, улыбнулся и крикнул сыну:

– Смотри! Матушка стоит с факелом на площадке донжона!..

Сын подъехал к Ги, посмотрел в сторону замковой башни, темным пятном выделяющейся на вечернем небе, перекрестился и ответил:

– Бог даст – свидимся еще...

II ГЛАВА.

Король Филипп.

Париж. Королевский дворец. 16 апреля 1221 года.

Путь до Парижа пролегал через хорошо укрепленные города. Рука короля Филиппа Завоевателя ощущалась везде: мосты приводились в порядок и укреплялись барбаканами или башнями с гарнизонами, стены и башни городов, замков и бургов обновлялись и менялись на камень – дерево в надстройках практически исчезло, уступая дорогу более прочному и надежному материалу. Тут и там виднелись свежие кладки призматических или цилиндрических башен, окруженных рвами и снабженные подъемными мостами. Торговля, благодаря рдению и заботе короля и его курии, набирала обороты, получала привилегии и различные льготы. Вдоль рек разместились удобные перевалки и мини-порты, возле которых дни и ночи кипели страсти торгов и различных ярмарок. Путники, купцы, ремесленники и прочие путники уже значительно меньше опасались ночных или дневных нападений разбойников и местных фео-

далов, приструненных силой королевской власти, власти силы, оружия, воли и оптимизма в прекрасном завтрашнем дне королевства.

Маршал с сыном ехали налегке, не утруждая себя ношением кольчуг и полного вооружения, без которого опасно было ехать еще пять или семь лет назад. Отец и сын были в кожаных гамбезонах, богато украшенных бархатом и мехом белки. Длинные плащи с меховым подбоем прекрасно укрывали путников от внезапных порывов весеннего воздуха, который был еще довольно-таки холодный. На поясах у них висели кинжалы и мечи в ножнах. Остальное оружие и амуницию везли пять вьючных лошадей под присмотром конюших и оруженосцев, вооруженных большей частью только для придания солидности эскорту.

Ги-старший, на правах маршала, носил черную бархатную шапочку, украшенную перьями ворона и орлана, шапочка сына была скромнее – ее украшало перо сокола.

Проехав заставы у пригородов Парижа, к этому времени уже обнесенных каменной стеной с башнями – дань былому противостоянию с графом де Мёлан и для полной безопасности столицы, рыцари въехали через Тулузские ворота в город, сразу же попав в оживленную толчею горожан.

Наступали дни весенних торгов и ярмарок возле монастырей Сен-Виктор и Сен-Медар, толпы зевак, горожан, купцов, ремесленников, зевак и воров-карманников наводняли кривые и узкие улочки левого берега Сены, наполняя их шумом, спорами, смехом и криками зазывал, обманутых или обворованных покупателей, менял и стражников, призывающих весь этот люд к порядку.

– Следи за седельным сумками и кошельками, сынок! – Весело подмигнул сыну Ги де Леви. – Неровен час, откроешь рот, а они стащат все, что под руку попадется!..

Ги-младший улыбнулся, поправил кошель, висевший на его богатом и расшитом поясе, проверил, легко ли вынимается кинжал из ножен, и ответил:

– Отсеку руки напрочь!..

Отец криво усмехнулся апломбу своего молодого сына.

«Сам был таким... – усмехнулся Ги де Леви в усы, поглядывая на хорохорившегося сына. – Боже, как же я счастлив, что он со мной...»

Они проехали предмостную заставу – их узнали по гербу и флагу, и въехали на остров Сите, где располагался королевский дворец и курия. Помолившись на Нотр-Дам-де-Пари, рыцари проехали мимо нескольких школ, в которые обучали школяров юридическим, общим и медицинским наукам – предтечами будущего знаменитого Парижского университета и подъехали к дворцу, укрепленному низенькой стеной и надвратными башнями времен Робера Благочестивого.

Королевские сержанты в шлемах-таблетках, со щитами и в кольчугах, проверили печати на грамоте, которую Ги де Леви сунул под нос командиру, подняли шлагбаум ипустили рыцарей во внутренний двор резиденции Филиппа Завоевателя. Оруженосцев, конюших и вьючных лошадей с поклажей маршал отпустил еще возле моста, приказа им снять несколько комнат в ближайшем постоялом дворе.

Подковы коней весело отстучали по каменной кладке двора. Ги и сын привычно подъехали к конюшням, спрыгнули с коней и отдали поводья прислуге, выскочившей из полуоткрытых ворот.

Маршал повернулся к сыну и тихо сказал:

– Идешь за мной следом, отставай не больше чем на два шага, держись от меня по правую руку – так положено этикетом...

– Хорошо, отец, я знаю... – кивнул Ги-младший отцу.

Возле парадного крыльца их уже встречал королевский камергер, который узнал маршала де Ла Фо и радостно произнес:

– Боже мой! Маршал! Как я рад вас видеть во здравии и веселом расположении духа!..

– Здравствуйте и вы, мессир де Жьенн, как ваше здоровье? Печень все еще побаливает? – Вежливо поздоровался маршал. – Вы, наверное, совсем не пьете желчегонные порошки, что на Рождество послала вам моя супруга Жанна?..

Камергер широко улыбнулся, развел руки в стороны и воскликнул:

– Бог мой! Мессир де Леви, порошки вашей жены буквально спасли меня! Передайте ей поклон от меня и скажите, что Матье де Жьенн отныне и навеки ее должник...

Ги улыбнулся и поклонился камергеру:

– Не утруждайте себя, мессир де Жьенн, скажите лучше мне, как настроение и здоровье его величества?..

Камергер сделал кисловатое лицо, покачал головой, изобразил руками что-то неопределенное и ответил:

– Всю последнюю неделю его величество ходит сам не свой, – камергер перешел на шепот, – ложится поздно, да и вообще, плохо спит. Поговаривают, но это строго между нами, мессир де Леви, только из уважения к вам и нашей дружбе, так вот, поговаривают, что у нас опять очень большие проблемы на юге...

– Да вы что?.. – подыграл ему маршал, изобразив озабоченность и изумление. – Ай, какая досада...

– И не говорите, мессир, просто беда... – замотал головой камергер. – Ой! Его величество и канцлер Герен еще с утра спрашивали: «Не приехал ли еще маршал? Где же маршал?..». Спешите, мессир де Леви, они уже ожидают вас в малом зале дворца...

– Большое тебе спасибо, Матье... – бросил на ходу Ги. – Я в долгу...

– Ой, оставьте, мессир маршал... – смутился камергер. – В случае чего – я вам ничего не говорил...

– О чем речь, дорогой мой де Жьенн... – улыбнулся Ги. Маршал представил сына камергеру. – Вот, рекомендую. Мой сын и наследник – юный Ги будущий Второй де Леви. – Очень рад знакомству, молодой сеньор. – Камергер низко поклонился. – Простите, де Жьенн, нам пора бежать к его величеству... – попрощался маршал, кивнул сыну, чтобы он не отставал, и поднялся по ступеням на второй этаж дворца.

Королевский дворец. Малый зал.

Дежурный камергер вошел в зал, где находился король и канцлер Герен, и громко произнес:

– Ги де Леви, маршал де Ла Фо и сеньор де Сент-Ном прибыли по вызову вашего королевского величества!..

Ги услышал знакомый до боли голос Филиппа:

– Чего же ты, дубина, держишь маршала за дверьми! Немедленно зови его сюда!..

Ги вошел в комнату, его сын следовал за ним. Они приблизились к королю, склонили правые колена, и маршал произнес:

– Сир! Ги де Леви, маршал де Ла Фо прибыл по вашему зову! Готов выполнить любое ваше приказание, сир!..

Филипп улыбнулся, кивнул Герену, и сказал:

– Вот! Что я тебе говорил, Герен! Мессир маршал, как всегда, бодр, свеж и грозен в своей искренности!.. – король повернул голову к маршалу. – Встань, маршал де Ла Фо! Я рад, что ты быстро откликнулся на мой зов...

– Этой мой долг, сир... – Ги встал и поклонился королю.

– Все бы так понимали свой долг... – проворчал Филипп. Он посмотрел на молодого рыцаря, стоящего за спиной маршала, прищурил глаза и воскликнул. – Бог мой! Герен, ты только глянь, кого привез с собой маршал! Это же его славный малыш Ги...

Филипп протянул руку для целования. Маршал и сын прикоснулись к монаршей длани лбами и губами. Король приобнял за плечи Ги-младшего, повернулся к канцлеру:

– Надо же, как он вырос за это время...

Ги-младший густо покраснел. Филипп усмехнулся и потрепал его по голове:

– Принц Людовик решил взять себе в оруженосцы нескольких молодых дворян, и, когда услышал о том, что у маршала как раз по возрасту имеется сын, буквально допек меня вопросами, когда вы приедете. Это хорошо, потому что я, нет-нет, а подумываю – а не направить ли мне вашего сына к нему в пажи и позднее в оруженосцы. – По лицу короля промелькнула и исчезла мимолетная грустинка. – Вы молоды, вам надо дружить. У сына должны быть надежные и верные друзья. Это все враки, что у монарха не может быть друзей! Могут! Еще как могут!..

– Ваше величество, – смутившись, спросил Ги-младший. – А где сейчас его высочество?..

– Где-где, – засмеялся Филипп. – Тут, во дворце! У себя в комнатах. Вы мне пока не нужны, юноша. Можете идти к Луи, – король жестом подозвал к себе одного из рыцарей охраны. – Проведите юного мальчугана к нашему сыну, ну а мы пока побеседуем с маршалом де Ла Фо...

Ги-младший покраснел, увидев грозный взгляд своего отца, осудившего его за то, что он проявил несдержанность при беседе с королем, поклонился и вышел из комнаты. Филипп дождался, пока он закроет двери, повернулся к маршалу и сказал:

– Пройдемте к столу, там нам будет удобнее побеседовать...

Король Франции сел в кресло и жестом приказал Герену и де Леви занять места возле него. Когда они присели, Филипп произнес:

– Большие проблемы вынудили нас снова обратиться к вашим услугам, маршал де Ла Фо. – Ги попытался встать, но король жестом приказал ему сидеть. – Большие проблемы на юге, снова вынудили вспомнить о вас, мессир де Леви. Сенешаль Каркассона, рыцарь де Орийяк, которому вы изволили передать все бразды правления, месяц назад был таинственно убит восставшими баронами, которые поддерживают молодого графа Раймона де Сен-Жиль...

Король перевел взгляд на Герена, канцлер продолжил слова, сказанные Филиппом:

– Судя по последним данным агентуры, дорогой маршал, кто-то координирует действия мятежников и направляет их в самые уязвимые и слабые места нашей обороны. Восемь замков уже отбито, полагаю, что эти данные уже устарели, ведь пролетел месяц с лишним...

Ги де Леви покачал головой. Филипп прервал Герена и произнес:

– Это все, только цветочки, Ги. Ягодки, судя по всему, начнутся летом. Как мы поняли, информация о наших гарнизонах, передвижениях отрядов и вылазках-рейдах исходит с самых верхов нашего командования. Кто-то засел среди верных нам людей, и передает врагам информацию. Тебе надо срочно выезжать на юг, брать сенешальство Каркассона в свои руки и вычислить предателя...

– Кстати, маршал, может так случиться, что предатель будет не один. – Добавил Герен, нахмутив свои густые брови. – Мы не исключаем возможности наличия хорошей агентурной сети. Действовать будешь вслепую, можно сказать, на ощупь...

– Повинуюсь, сир... – поклонился Ги де Леви. – На ощупь, так, на ощупь...

– Да, и еще... – Филипп нахмурился. – В последнее время, папа Римский Гонорий, старый и упертый баран, взялся поддерживать права молодого графа Раймона. Все наши жалобы на притеснения гарнизонов, нападения на замки и башни он игнорирует, ссылаясь на то, что прямых доказательств участия графа де Сен-Жиль мы не смогли предоставить...

– Уже интереснее... – заметил Ги.

– Вот-вот, – кивнул Филипп. – Не то слово! Мы не можем официально послать значительные силы на юг. Нас могут тут же обвинить в провокациях и попытках захватов и аннексий. Значит, тебе придется отправиться в Каркассон только со своими рыцарями, можешь захватить кого-нибудь из своих старых приятелей. Кстати! Мне сказали, что мессир де Марли заскучал у себя в замках! Бушара надо взять с собой, иначе, не приведи Господь, от безделья в нем

проснется кровь его окаянного прадеда! Ох, и бедовый был, по запискам Сугерия, сеньор! Хотя, и рыцарь был отменный. Что ни говори, а в первом крестовом походе был одним их лучших и отчаянных рубак...

Ги молча кивнул. Герен покосился на него и сказал:

– Вы, маршал, не думайте, что мы отправляем вас, как овцу на заклание. Вы будете непрерывно ощущать нашу поддержку и помощь. Деньги и наемники будут в вашем распоряжении. Да, чуть не забыл, ваш старый боевой товарищ, итальянец Чезаре де Висконти, находится там и руководит тайной сетью агентуры. Он, скорее всего, одевается монахом-проповедником, катары их не трогают, считая безобидными и неопасными созданиями нашей матери-церкви. Иное дело инквизиторы, за ними, прямо, охота какая-то. Но, эти ребята свое дело знают отлично – чистят и выкорчевывают ересь, запаливая костры по всей Окситании...

– Это уже легче, монсеньор епископ... – улыбнулся Ги, обратившись к Герену по его сану, ведь, помимо канцлерства, он был епископом Санса.

– Сын покойного Симона де Монфора вам вряд ли будет опорой. Амори, к счастью или несчастью, только жалкая тень своего великого отца. Удерживайте сенешальство Каркассона, теревите графов де Фуа и де Комминж, – ваших «старых знакомых», но, упаси вас Господь, не влезайте в междоусобицу Амори и графа Раймона. Пусть, накуролесят на пару, как следует. Нам же, потом, легче и проще будет принять земли под скипетр Франции... – ответил Герен маршалу. – Сколько воинов, маршал, вы сможете собрать прямо сейчас?..

– Сотня конников пожалуй, из которых увы только с дюжину замковых рыцарей будет, остальные арбалетчики и сопровождение... – пожал плечами Ги де Леви, – если, мессир де Марли согласится и прихватит своих людей, полагаю, что около полусотни рыцарей мы наскребем...

Филипп удовлетворенно кивнул:

– Неплохо, для начала. Можешь взять еще кого из знакомых?..

– Думаю, что мессир Юмбер де Божэ, да кто-нибудь из старых воинов согласится. Вся надежда, что Бушар «зажжет» и уговорит кого-нибудь из своих знакомых или соседей, хотя, я не знаю и не уверен в этом...

Герен хлопнул себя по лбу:

– Вот! Вспомнил! Вчера приезжал к нам мессир граф де Клэр из Англии, привез бумаги, так, ерунду. Но, что самое главное, ему сейчас скучновато, вот, он и спрашивал тебя. Может, ты и его уговоришь? А, что, рыцарь он приличный, опытный. Ведь именно, но на пару с Роже де Ласи так грамотно умудрились удерживать Шато-Гайяр долгое время...

– Правда? Жильбер де Клэр здесь? – Обрадовался Ги де Леви. – Что же он делает?..

– Приехал от скуки во Францию, желает поездить с рыцарями по турнирам, спрашивал, не собираемся ли мы в крестовый поход. Захватил бы ты его, а? Он и его английские рыцари, думаю, могут согласиться...

– Попробую, монсеньор... – согласился Ги де Леви. – А, случаем, вы не знаете...

– Знаем... – перебил его Филипп. – Мессир де Клэр и его рыцари сняли два постоянных двора, как раз напротив Малого моста через Сену.

– Ух, ты! – Воскликнул Ги. – Я послал своих слуг туда же, чтобы они сняли комнаты и разместили коней...

– Живи у меня во дворце, коней разместишь в королевских конюшнях, там их откормят и перекуют, если надо. Оруженосцев и челядь разместишь в дворцовых пристройках – места полно! – Подвел итог разговора Филипп. – Встречайся с мессиром де Клэр, потом, поезжай к сеньору Бушару де Марли. Срок тебе – месяц, не больше, деньги тебе выдаст Герен, сколько потребуется...

– Слушаюсь, сир. – Ги встал, поклонился и покинул короля, оставив их наедине.

Когда Герен и король убедились, что маршал уехал из дворца, Филипп вздохнул и сказал:

– Да. Крепкий рыцарь. Спокойно воспринял такую задачу! Если он ее решит, у меня не будет слов и жестов, чтобы выразить свою благодарность...

– Это, сир, если он живым вернется... – перекрестился бывший рыцарь-госпитальер, а ныне – епископ Санса и главный канцлер королевства Герен. – Просто адское задание, сир!

– Пошли, помолимся Господу... – кивнул ему Филипп.

ГЛАВА III.

В которой рассказывается о том, как погиб славный граф Симон де Монфор – покоритель альбигойцев, властитель Тулузы, виконт Безье и Каркассона, герцог Нарбоннский.

За три года до описываемых событий. Апрель 1218г. Мятежная Окситания.

В начале апреля 1216 года Симон де Монфор прибыл, наконец, в Париж, где был триумфально встречен всем рыцарством северной Франции. Ему оказывали почести, наперебой приглашали в гости многие знатные бароны и сановники королевства. Сам король Франции, могущественный Филипп Завоеватель, оказал Монфору честь, приняв его в большом зале королевского дворца, но не в Париже. Симон был окрылен и приятно поражен тем вниманием к его персоне и не сразу понял, что стоит на самом деле за всем этим почетом и уважением. Симон не сразу понял, почему его, одного из самых могущественнейших и знатнейших баронов королевства, принимают не в столице королевства, а в небольшом провинциальном городишке...

16 апреля 1216 года в большом зале королевского дворца в городе Мелен, что возле Парижа, Симону де Монфор было торжественно вручена грамота... о пожаловании ему и его потомкам в вечное наследование... всех тех владений и титулов, которые они, не щадя жизни и здоровья, захватил сам!

Король Филипп – вот истинный творец всех побед! Король Франции – вот истинный повелитель и верховный сюзерен Юга Франции! Не Симон де Монфор! А только король!!!

Симон де Монфор, стоя на коленях, вне себя от счастья, богатства и знатности, не сразу понял все это. Он стоял на коленях, словно верный пес короля, и слушал, как в торжественной и напряженной тишине, среди сотен знатных священников и баронов короны, Филипп Французский лично зачитывал грамоту:

«Мы, Божьей милостью король Франции Филипп, утверждаем нашего доброго и преданного вассала, верного Симона, графа де Монфора и сеньора Ивелина, во владении герцогством Нарбоннским, графством Тулузским, виконтствами Безье и Каркассон как ленами и землями, отнятыми у еретиков и врагов церкви Иисуса Христа, кои Раймон, некогда граф Тулузский и Сен-Жиль, держал от нас – королей Франции, своих законных и единственных сюзеренов!»

После этой торжественной сцены, Симона «закружила» светская волна. Он гостил у де Монморанси, шурина его жены Алисы, побывал в гостях у герцога Эда Бургундского, съездил в Бретань к графу Роберу де Дрё, побыл практически у всех знатных баронов...

А, в это самое время враг, еще не покоренный и не уничтоженный Симоном и его рыцарями, снова поднимал знамя неповиновения.

Вообще, если бы все, что планировал граф Раймон де Сен-Жиль, получилось – весь Юг королевства отпал от короны Франции. Раймон, еще в 1215 году, заручился обещанием короля Англии – своего шурина о вооруженной поддержке. Графу удалось даже договориться с наследником виконта Раймона-Роже де Тренкавеля, молодым Пьером, своим наследственным врагом, о совместной атаке. Графы де Фуа и де Комминж, несправедливо ограбленные Симоном де Монфором и его братом Ги, также решили примкнуть к восстанию.

Но, удачно складывающийся поначалу, альянс начал рушиться, словно карточный домик! Англия и Аквитания, на престоле которой сидел юный Анри Третий Плантажене, выпадали из игры.

Арагонское королевство и графства Барселона и Руссильон тоже не смогли помочь Раймону. После смерти короля Педро Защитника под стенами Мюре там правил его малолетний сын Яков, или Хайме, на испанский манер.

Оставался только Прованский маркизат – последняя часть княжества графа Раймона де Сен-Жиль, еще не отнятого у него крестоносцами.

Но, граф Раймон, казалось, ослеп, и не замечал, что этих сил явно не хватит для восстания. Он со своим сыном, Раймоном VII, поднимает знамя восстания в Марселе...

В конце мая 1217 года, оба графа, старый и молодой Раймоны де Сен-Жиль, вступают в Авиньон во главе небольшого отряда, состоящего из верных рыцарей, лишенных крестоносцами своих земель, группы катарских воинов-фанатиков и ста пятидесяти арагонских наемников. Город встретил их цветами и овацией. Старый Раймон, наконец-то, прозревает и спешно отбывает в Арагон вербовать наемников. Младший Раймон, презрев все опасности, устремляется на город и крепость Бокер, недавно занятый французскими крестоносцами...

Симон де Монфор, пораженный известиями, доставленными гонцами с, казалось бы, умирного владения, спешно бросается на спасение Бокера и всех своих владений...

И, как не странно, удача поначалу, сопутствовала графам де Сен-Жиль. Гарнизон Бокера, видимо, «расслабился» и позволил отрядам молодого Раймона захватить мост и городские ворота. Рыцари отступили в замок, толком не готовый к защите, и заперлись в нем, словно в мышеловке...

Тулуза и остальные города графства, словно проснувшись ото сна «завоевания», сбрасывали с себя гарнизоны крестоносцев де Монфора, как животное, очнувшись от долгой спячки, стряхивает со своей спины паразитов, присосавшихся за долгую зиму.

Из равнинных крепостей и замков держались только Каркассон, Памье, Мирпуа, Фанжо и Пруй, под командованием сенешаля де Леви. Робер де Мовуазен со своими немногочисленными рыцарями крепко засел в Лаворе, Ломбере и Альби. Держался, как мог, Бушар де Марли, удерживая Нарбонн, Фонфруад и Терм. Но горные замки и перевалы уже были открыты для вторжения из Арагона через Фуа, Комминж и Руссильон...

Симон, которому доложили ужасное и катастрофическое положение дел, впервые в жизни запаниковал. Его супруга, Алиса де Монморанси с небольшим гарнизоном была блокирована в самом сердце города Тулуза – замке Шато-Нарбоннез. На востоке захваченных земель, умирал от голода гарнизон несчастного Бокера. Крестоносцы, по всем правилам рыцарских войн, вывесили черное знамя голода над стенами цитадели, но продолжали отбивать, одну за другой, атаки отрядов молодого Раймона, словно волны накатывавших на замок.

Де Монфор с крепким отрядом, пополненным французскими рыцарями-авантюристами, делает одну из своих главных ошибок, бросаясь на освобождение гарнизона Бокера. Напрасно Ги де Леви и другие рыцари доказывали Монфору, что важнее сейчас деблокировать Тулузу и не позволить занять ее приверженцам «старой власти». Симон, словно ослеп! А ведь рыцари были правы, предлагая атаковать Тулузу. После ее взятия в 1215 году вместе с молодым принцем Людовиком, Симон срыл практически все укрепления города, сделав его беззащитным... почти!

Но Симон бросился на Бокер... впервые в своей военной жизни... потерпел поражение! Отряды рыцарей Симона отбросили от города горстка рыцарей молодого Раймона де Сен-Жиль и ополчение, собравшееся выбросить северян-чужаков и вернуть власть «своим» графам!

24 августа молодой Раймон VII де Сен-Жиль милостиво принял условия почетной капитуляции и сдачи цитадели города Бокер. Рыцари и пехотинцы, измученные долгой осадой и голодом, с распущенными знаменами и при оружии покинули замок, отдав его повстанцам...

Симон де Монфор молча наблюдал, как через главные ворота Бокера выходили его воины. Глаза его сузились, став похожими на две щелки, желваки ходили под кожей скул его

бедного лица. Симон, широко расставив ноги, закованные в кольчужные чулки, мучался от злости и ярости за свою первую, но не последнюю, военную неудачу. Ноздри у него широко раздувались...

К нему приблизился один из рыцарей:

– Каковы будут приказания, мессир граф? – Осторожно спросил он у Симона.

Симон повернул голову и коротко бросил:

– На Тулузу... нет! На юг! Перекроем проходы из Арагона!

Рыцарь склонил голову, потом поднял ее и спросил:

– А, что делать с измученным гарнизоном Бокера, мессир?

Симон, уже сев в седло, ответил:

– Отправь их к мессиру Бушару. Они сейчас – никакие. Пусть он их подкормит и «вправит» мозги! Как он умеет!!!

В это же время, пользуясь небольшой паузой в действия повстанцев, Ги де Леви и его рыцари отбивают крепость Монгренье, принадлежащую графу де Фуа. Ги де Леви маршал де Ла Фо справедливо поступил, захватив крепость. Он отрезал прямой путь силам графа де Фуа для наступления на Тулузу. Это был, пожалуй, один удачный момент в этой кампании...

Симон де Монфор бросается на юг, ожидая вторжение врага через Бокер или Нарбонн. Но...

13 сентября 1217 года, день в день четыре года спустя после позорного поражения при Мюре, граф Раймон VI вступает в Тулузу...

Раймон, умудрился-таки собрать наемников в Арагоне! Напрасно, части Монфора, которыми командовал Бушар де Марли, ждали его на перевалах между Руссильоном и Нарбонном. Раймон перешел Пиренеи западнее и, соединив свои силы с отрядами графов де Фуа и де Комминжа, двинулся скорым маршем на Тулузу.

Войска повстанцев перешли Гаронну, прикрытые сильным осенним туманом, стелившимся над рекой и низинами...

– Мессир Раймон! Где вы планируете форсировать Гаронну? – обратился к старшему Раймону граф Раймон-Роже де Фуа.

Граф немного помедлил с ответом, потом, вытянул руку и указал:

– Мы перейдем Гаронну вон там – чуть ниже плотины мельниц Базакля! Там не глубоко, отличный каменистый брод. Лошадям вода будет едва достигать крупа!

– Отлично! – Кивнул граф де Фуа и прищипорил коня, устремившись к голове армии, построившейся в низине.

Армия почти закончила перестроение, переправившись через Гаронну, когда яркое осеннее солнце разогрело воздух и туман, разрываемый легкими порывами ветерка, рассеялся, открыв прямо перед ними Тулузу...

Войско перестраивалось на широком лугу. Ветерки трепетали знамена и флажки копий воинов, ведомых графом Раймоном де Сен-Жиль Тулузским к своему городу, к своей столице, к великой и древней Тулузе...

Жители города, высыпавшие на ров, окружавший город, не верили своим глазам!

– Слава! Слава нашему графу Раймону и его воинству! Слава!.. – Неслось отовсюду навстречу передовым частям повстанцев, ведомых графом Раймоном. Над его головой трепетало древнее знамя рода Сен-Жиль – на червленом поле золотой греческий крест, этот крест еще называли «узорным» или «Тулузским крестом» ...

Люди, знатные сеньоры и простые горожане, бросались на колени перед конем графа Раймона и целовали края его одежд. Всеобщее ликование жителей вдруг резко сменилось на ненависть к французам-оккупантам, засевшим в замке Шато-Нарбоннез. Гарнизон, руководимый бесстрашной Алисой де Монфор, в девичестве де Монморанси, спешно закрывал ворота и поднимал мост, отрезая зазевавшихся французов от спасения...

Неизвестно, кто в точности подал клич, призвав к резне и погромам. Но, толпа, словно жуткая в своем бессмысленном гневе, вдруг, прервав приветствия освободителям, бросилась резать и жечь французских поселенцев, ремесленников и купцов, большей частью живших в нижнем городе и не успевших укрыться в замке...

Раздался тревожный набат. Алиса вздрогнула, прервав молитву, и прислушалась...

«Что это?» – насторожилась она. – «Пожар? Или...»

Ход ее мыслей прервал рыцарь, вбежавший в покои графини:

– Мадам графиня! Восстание! Граф Раймон с армией вломился в Тулузу!..

Алиса не поверила своим ушам. Она встряхнула густой копной своих волос и переспросила:

– Это – точные сведения?

Рыцарь поклонился:

– Да, мадам графиня. Несколько воинов, проживающих в нижнем городе, чудом спаслись от разъяренной толпы жителей! Они явственно различили крест Сен-Жилей на красном знамени...

Алиса вздохнула. Она подошла к окну и посмотрела на нижний город. В нескольких местах, где компактно проживали выходцы с севера и лояльные к новой власти южане, разгорались языки пламени и клубились черные тучи дыма...

– Замок приготовить к обороне! Немедленно закрыть ворота, опустить решетки, поднять мост!

– Все уже исполнено, мадам графиня! Шато-Нарбоннез готов к осаде... – поклонился комендант замка, мессир рыцарь Гоше де Рибмон, вошедший в этот момент в комнату графини Алисы...

Раймон де Сен-Жиль попытался, было, остановить резню и погромы, но его остановил, дернув за рукав кольчуги, граф де Комминж:

– Не стоит это делать, дорогой Раймон. Пускай жители вволю «отведут» душу...

Граф посмотрел на Бертрана. Комминж зло улыбался, наблюдая за бесчинством толпы.

– Но, граф Бертран! Это же преступление против христиан! Нас, итак, не жалует Его святейшество папа Иннокентий! А тут, такое!!!

Бертран покосился на графа:

– Пошел он... ваш папа Иннокентий! – Зло плюнул Бертран. – Где был, ваш хваленый папа, когда франки грабили и захватывали мои владения?! Молчите?..

Раймон не смог ответить графу де Комминжу. В это время к ним подъехал граф Раймон-Роже де Фуа, закончивший расстановку сил на внешнем кольце города. Граф весело подмигнул предводителям:

– Что, горожане отворяют «дурную кровь» у северян-франков? Ха-ха-ха! – рассмеялся граф де Фуа своему удачному, как ему показалось, сравнению. – Это хорошо! Теперь, они кровью повязаны с нами и не дадут «задний» ход, когда нас прижмет Симон де Монфор со своими «головорезами»! Вот! Так! Пусть ответят за Лавор, Безье и Кастильнодари! Пусть ответят за Мюре!!..

Алиса де Монфор осматривала замок, готовившийся к долгой осаде. Она лично обходила все стены, поднималась на башни замка, спускалась в подвалы и амбары, проверяя снаряжение и припасы...

– Отлично, мессир де Рибмон! Вы прекрасно подготовились к этому «демаршу» еретиков! – Похвалила коменданта Алиса.

Рибмон смутился, покраснел...

– Да, бросьте вы, мессир де Рибмон. Это не комплимент. Это – факт! Мы будем несказанно обязаны вам и вашему опыту.

Графиня поклонилась коменданту замка...

Граф Раймон-Роже де Фуа занялся быстрым восстановлением укреплений города. Комминж и его рыцари помогали горожанам и воинам де Фуа в восстановлении стен Тулузы. Город был практически лишен укреплений, но, не всех, к счастью. Западные и северные стены и башни – самые старые и низкие, были в целости. Оставались южные и восточные подступы...

Горожане, каким-то чудом, но смогли частично восстановить восточные стены. Слава Богу, что остались фундаменты!

С южным направлением обороны было сложнее. Граф де Фуа приказал углубить и расширить ров, а землей нарастить вал. Ров был заполнен водой из Гаронны, правда, весь неудачно. Но, времени на правильную и грамотную подводку воды у повстанцев не было...

С востока подкатывало медленно, словно туча железной саранчи, войско Симона де Монфора. Симон, словно остолбенел, узнав о внезапном обходном маневре врага и захвате Тулузы. Неделью, целую неделю, Симон сидел один, закрывшись в башне Нарбоннской крепости, не открывая никому...

Разведка и небольшие отряды французских рыцарей, отходивших от Тулузы к Каркассону и дальше на восток, докладывали о большом количестве повстанцев, скапливающихся в Тулузе и ее окрестностях. Ги де Леви и его рыцари, как могли, блокировали южное направление, лишая врага возможности получения подкреплений из Фуа. Время, быстро таявшее и убегающее у повстанцев, медленно тянулось для Монфора, пока он приходил в себя после шока и собирал всех рыцарей в кулак...

Раймон де Сен-Жиль-старший, лишний раз решил не рисковать, отправив своего сына и наследника Раймона-младшего в восточные области графства, ближе к границам с имперскими владениями. Раймон осматривал укрепления Тулузы, когда к нему подъехал граф де Комминж и, весьма довольным тоном, сказал:

– Добрый день, граф Раймон! Воистину, добрый день сегодня! Мои молодцы сейчас, просто счастье какое-то, обнаружили практически целыми две старые добрые фрондиболы! Теперь и у нас появляется шанс, в случае чего, «показать зубы» графу Симону!

Раймон обрадовался:

– А, сколько дней займет их перевозка до Тулузы, граф Бертран?

Бертран де Комминж почесал затылок и, подумав около минуты, ответил:

– Полагаю, что за два или три дня управятся. Как полагаете, начнем обстреливать замок, или «пристреляем» их для внешней обороны?

Раймон предложил де Комминжу пройти вдоль восстанавливаемых укреплений. Граф слез с коня и отдал поводья оруженосцу. Они пошли вдоль внешних стен города, обходя его слабые места, располагавшиеся на южном участке.

– Думаю, что граф Симон начнет, скорее всего, именно на этом участке. – Произнес де Сен-Жиль, указывая на сектор возле южных ворот и моста. – Ему покажется, что здесь и здесь, – граф указал пальцем на некоторые участки обороны, – его людям будет проще пробиться и деблокировать замок Шато-Нарбоннез!

Бертран де Комминж присмотрелся и кивнул в знак согласия:

– Да, эти укрепления, так и «просятся», чтобы именно с них и начали атаку крестоносцы...

Раймон улыбнулся:

– То, что нам и нужно! К счастью для нас, это – самая древняя часть городских укреплений. Они возводились еще римлянами, после чего перестраивались древними готскими королями. Враг так и не смог обнаружить и разрушить разветвленную сеть подземных ходов и лазов, которых здесь, не менее десяти!

Комминж заинтересовался:

– Очень интересно, месьсир Раймон...

Раймон де Сен-Жиль улыбнулся и продолжил:

– У нас есть одно важное преимущество – враг не знает о ходах, а равнина здесь – так и располагает к тому, чтобы поставить лагерь и основные осадные орудия врага! Сами подумайте, граф, – северные рубежи крепки и достаточно укреплены для того, чтобы смогли отбить атаки врага. Запад, так он закрыт рекой, течение которой в этом месте достаточно быстрое. Восточные рубежи изрезаны оврагами, болотцами и малопригодны для создания сектора постоянной осады! Остается юг города!

Бертран подумал и сказал:

– Было бы просто отлично, если граф Симон «внемлет» вашим словам и станет атаковать именно с юга!

– Ладно, вечером поговорим с графом де Фуа. Он, говорят, мастер на всякие хитрости, засады и прочие дела! Может, он, чем-нибудь, нам поможет?

Они развернулись и пошли в центр города, к дворцу, куда, судя по звуку горна, прибыл парламентар из осажденной цитадели Шато-Нарбоннез. Действительно, когда они приблизились к дворцу графа Раймона, то увидели, как граф Раймон-Роже де Фуа разговаривает с рыцарем, стоящим под флагом графа де Монфора. Его золотой вздыбленный лев на червленом поле был виден издали...

– Еще раз, прошу передать сеньоре Алисе де Монморанси-Монфор мой поклон, мессир рыцарь. – Учтиво произнес граф де Фуа парламентару французского гарнизона. – Приношу слова уважения храбрости и уму сеньоры графини. Тем не менее, мы настаиваем на немедленной сдаче цитадели и замка Шато-Нарбоннез. Мы гарантируем соблюдение всех правил и условий почетной капитуляции! Гарнизону замка позволено покинуть Шато-Нарбоннез с развернутыми знаменами и при оружии! Никаких требований о выкупе выдвинуто нами не будет.

Рыцарь молча выслушал предложения графа де Фуа. Он понимал, что это – всего лишь пустая формальность, обязательная и строго соблюдаемая благородными сеньорами того времени. Рыцарь – высокий и крепкий светловолосый северянин, стоял перед графом, широко расставив ноги. Он был в полном вооружении. Меч его, как и положено парламентару, был в ножнах, обернутых лентой белого цвета. Шлем рыцаря держал молодой оруженосец, стоявший чуть поодаль от рыцаря. Второй оруженосец рыцаря держал древко знамени графа де Монфора – повелителя города и земель графства. Третий оруженосец стоял и держал белое знамя переговоров.

– Мы тронуты вашим благородным и щедрым предложением, мессир граф Раймон-Роже де Фуа. – Ответил, поклонившись, рыцарь. – Но, к несчастью, мы не имеем желания исполнить ваши требования и согласиться на ваши условия. Гарнизон замка Шато-Нарбоннез не имеет возможности и желания, в отсутствии своего сеньора и повелителя, нарушить законы верности и сдать замок Шато-Нарбоннез.

Граф де Фуа, не рассчитывающий на согласие, произнес:

– В этом случае, мессир рыцарь, прошу вас передать госпоже графине Алисе, что мы начинаем осаду замка! При этом, мы оставляем за графиней право, в любой момент, согласиться на наши предложения о почетной капитуляции.

– Я, рыцарь Готье де Сен-Марк, от лица своего грозного и справедливого сеньора – графа Симона де Монфора, заявляю о принятии осады замка Шато-Нарбоннез! Мы объявляем оборону замка и заявляем, что Шато-Нарбоннез предостаточно оснащен и снабжен водой и продовольствием! Замок и гарнизон не сдадутся и выдержат любую осаду!

– До скорого свидания в Шато-Нарбоннез, мессир рыцарь! – Учтиво поклонился граф де Фуа.

– До скорого свидания в лагере моего господина и сюзерена, Ваша светлость де Фуа! – Улыбнулся парламентар. Он развернулся и, гордо расправив плечи, пошел к замку...

Графы де Сен-Жиль и де Комминж подошли к Раймону-Роже. Де Фуа стоял и спокойно наблюдал за уходом парламентаря.

– Каково ваше мнение, милейший граф де Фуа? – Спросил его Бертран де Комминж.

– Кто их знает? – Пожал плечами граф в ответ. – Думаю, что рыцарь не врет. Замок и правда грозен. Граф Симон скоро прибудет сюда. Вот тогда, клянусь святым Фуа, нам придется действительно «туго»!

Раймон де Сен-Жиль согласился:

– Я сам его ремонтировал. Шато-Нарбоннез, поверьте мне сеньоры, действительно неприступный замок! К тому же, у нас мало рыцарей и специалистов по осадам! Нам надо теперь больше думать об обороне, мессеры...

Только к октябрю граф Симон смог, более или менее, прийти в себя и собрать армию. Он разослал приказы, требуя от всех гарнизонов прислать рыцарей и пехотинцев, подвергая крепости и замки риску быть захваченными врагом. Коменданты, скрепя сердцем, исполняли приказы графа Симона. Замки пустели. И без того слабые и малочисленные гарнизоны теперь уменьшались до смешного количества! Вскоре, замки стали захватываться сторонниками «старой» власти...

Граф де Монфор терял все свои завоевания, но упорно копил силы для осады Тулузы, главного оплота сил сопротивления. И вот, к середине октября 1217 года отряды крестоносцев приблизились к Тулузе...

Сходу захватить Тулузу не удалось. Рыцари и горожане, включая женщин и детей, сражались теперь на два фронта. Одна часть надежно блокировала замок Шато-Нарбоннез, не позволяя сильным арбалетным огнем высунуться за стены, гарнизону замка. Другая часть защищала стены и укрепления города, проявляя, поистине, чудеса героизма, граничащего с фанатизмом и иступлением обреченных!

Пауза, данная им Симоном, пока тот собирал свои войска, позволила привести укрепления в относительный порядок. Мало того, помимо двух фрондибол, защитники Тулузы под руководством двух «инженеров» – мэтра Гарнье и Бернара Парейра, сумели изготовить еще два небольших требюше и около десятка камнеметов древнеримского образца. Теперь, у защитников Тулузы появилась возможность, как выразился граф де Комминж, «показать зубы»...

После трех дней неудачных и, несколько хаотичных, атак граф Симон приказал частям крестоносцев блокировать город, переходя к затяжной осаде. По окончании совещания с руководителями отрядов, граф принял решение о размещении лагеря, обоза и ставки на южном направлении...

– Мессеры рыцари и сеньоры! Осмотрев укрепления города, я принял решение о начале осады Тулузы. Запад, север и восток города приказываю обнести палисадом и расставить небольшие отряды. Этим, мыотрежем осажденных графов Фуа, Комминжа и Сен-Жилия от связи с внешним миром. Голод и нехватка продовольствия, в конце концов, вызовут болезни и голод!

Сеньоры согласились с графом. Тем более, что южное направление, как показалось им, было наиболее слабым и уязвимым для атак. Граф Симон приказал своим мастерам осадного дела построить несколько «кошек» – больших осадных перекатных башен из дерева. Мастера принялись за работу. Через два месяца, к концу декабря 1217 года, «кошки» были готовы. К этому же времени, из Каркассона и Кастельнодари привезли и притащили пять требюше и около тридцати малых и средних камнеметов.

Две «кошки», построенные для Симона мастерами, были удивительными и поразительными, даже для того времени, сооружениями. Их сравнивали с опасным чудищем...

Вот, как описывается одна из «кошек», примененных Симоном де Монфором для осады Тулузы в современных исследованиях, опираясь на «Песнь об альбигойском крестовом походе»:

«Она служила защитой для 400 рыцарей и 150 лучников и была неуязвима для требюше, камнеметов и каменных глыб, поскольку отдельные ее части: платформа, боковые поверхности, балки, стропила, двери и своды – скреплялись с помощью железа и стали».

Осада Тулузы вызвала, довольно-таки, сильное «нежелание» многих из французских рыцарей и знатных баронов, не пожелавших лишний раз рисковать собой, подвергаясь риску быть убитыми из неблагоприятного оружия – арбалетов или камней требюше и фрондибол. Симон был вынужден, практически в одиночку – не считая своих верных друзей: Ги де Леви, Робера де Мовуазена и Бушара де Марли, руководить пехотинцами. Напряжение возрастало...

Помощь защитникам Тулузы активно оказывали местные жители и сеньоры, нападавшие на отряды фуражиров и грабившие обозы французов...

Наступила пауза в активной осаде, вызванная зимой... Армия Симона де Монфора вяло атаковала, отдавая большее предпочтение использованию метательных машин, методично разрушавших город. Чтобы защитники не смогли применить свои метательные орудия против Шато-Нарбоннез, Симон периодически устраивал имитации атак на валы и укрепления Тулузы. Так и прошла зима и начало весны 1218 года.

Ги де Леви и, в особенности, Бушар де Марли никак не могли понять причину такой «вялости» и осторожности, охватившей их друга и предводителя. Они терялись в догадках, пока, во время одной из вечерних попоек, подвыпивший изрядно Бушар не спросил у Симона:

– Симон, друг мой! Почему это ты стал вдруг таким неженкой? Ты, которого раньше «за уши» невозможно было отогнать от штурмовых лестниц, – теперь стал осторожничать?

Симон как-то вздрогнул и побледнел. Он поставил кубок с вином и молча опустил голову вниз. Наступило неловкое молчание. Бушар подумал, было, что сболтнул лишнего. Ги де Леви делал ему знаки за столом, чтобы Бушар извинился перед Монфором. Вдруг, Симон поднял голову и произнес, каким-то глухим голосом:

– Как бы вам, друзья мои, лучше объяснить...

– Да ладно тебе, Симон, не обращай внимание! Мало ли чего Бушар ляпнул спьяну! – Начал было Ги де Леви, но Симон прервал его, сказав:

– Нет. Бушар прав. Я – боюсь! Я, как дурак, боюсь смерти...

Рыцари примолкли. Тут, решил что-то успокаивающее сказать Робер де Мовуазен, старый друг Симона:

– Монфор! Хватит тебе дурачиться! Мы все, в большей или меньшей степени, боимся смерти! Ги – боится!

Ги де Леви кивнул. Робер продолжал успокаивать Симона:

– Даже наш «бесшабашный» де Марли – и тот боится смерти! Бушар еще не женился и не завел наследника! В отличие от нас всех, наш «добряк-здоровяк» еще холостяк!..

Рыцари от души рассмеялись удачному сравнению бугая Бушара де Марля. Даже Симон улыбнулся, правда, как-то вымученно. Рыцари снова подняли кубки с вином...

– Нет, ребята. – Вдруг снова завелся Симон. – Вы же знаете мою Алису. Кстати, Бушар, она – твоя кузина по роду! Тебе уж ее-то не знать!

Симон повернул голову к де Марлю. Бушар чуть не поперхнулся вином:

– Это точно! Алиса – та еще!!!

Рыцари снова насторожились.

– Вот. Алиса значит... где-то... у какой-то, толи цыганки, толи еврейки... в общем, гадалки, узнала, что я не доживу до... пятидесяти пяти лет! Не знаю, как, но она узнала у этой бестии, что я помру в возрасте пятидесяти четырех лет! А это значит – в этом году! Вот, какие пироги, друзья мои...

Рыцари наперебой заговорили, успокаивая Монфора. Симон отнекивался, кивая головой, но продолжал, словно баран, стоять на своем. Тогда, Ги де Леви произнес, подводя итог мыслей рыцарей:

– Значит так! Симон, ты – наш друг и товарищ! Более того! Ты – наш брат! С начала весенней кампании, осаду Тулузы мы берем на себя. Я стану предводителем осады, благо, что я – маршал де Ла Фо! Робер займется осадными машинами и пехотинцами. Мессир де Марли возглавит рыцарей для атаки в случае прорыва в город. Ты – сиди и отдыхай! Пей вино, слушай пение трубадуров. Гоняйся за юбками. Отравляй почтовых голубей своей женушке в осажденную цитадель... В общем, чтобы мы тебя, ближе, чем на три арбалетных выстрела, возле Тулузы не видели!

Рыцари закивали, соглашаясь с Ги. Симон снова рассмеялся, на этот раз – уже веселее.

– Да, ребята, вы – как были обормотами, так ими и остались! – рассмеялся Симон. – Но, я же не могу сидеть вот так, без дела!

– А ты и не будешь сидеть без дела! – Рывкнул Бушар. – Сейчас, к маю, мне говорили купцы из Кагора, к нам прибудет множество рыцарей и знатных сеньоров из всех провинций Франции. Станешь «надувать щеки» и встречать их, как хозяин здешних земель! Как истинный граф Тулузы, герцог Нарбонна и виконт Безье и Каркассона! Вот как!..

– Если честно, я забыл рассказать еще об одной малости, – отрешенным голосом сказал Симон де Монфор. – Эта гадалка, помимо прочего, сказала и о том, что я смогу избежать смерти если...

– Что «если»? Говори, не молчи, ради Бога, Симон! – Наперебой закричали товарищи. – Говори, как избежать тебе смерти?

– Ровно за сутки, как бы вам сказать помягче... смерть пошлет мне весточку – ранит моего брата Ги де Монфора...

Рыцари задумались. Наступила долгая, напряженная и неловкая пауза. Наконец, не выдержал Робер де Мовуазен:

– Плюнь и разотри! Оставь своего брата Ги в Лаворе, объяснив это необходимостью контроля северных границ владений! Вот, в сущности, и всё!

– Вот! Это дело! – Вставил Бушар де Марли. – Этим финтом мы покажем «матушке с косой»!!!

Рыцари снова рассмеялись, и казалось, позабыли об этом разговоре с Симоном...

Весна на юге резко вступала в свои права. Поля зазеленели, деревья покрывались цветами, земля просыпалась после теплой зимы, чтобы снова одаривать мир благоуханием цветов и зреющих плодов и ягод, пеньем птиц. Стрекотали кузнечики в траве, не замечая, что вокруг них идет долгая и, по большому счету, не интересующая мир война...

В конце апреля в лагерь французов, раскинувшийся вокруг осажденной Тулузы, стали прибывать, один за другим, небольшие отряды северных сеньоров из различных провинций королевства. Пестрота флагов и значков на копьях прибывающих рыцарей рябила глаза, радуя окружающих яркими и сочными красками гербов...

Ги де Леви справедливо решил, что надо предоставить подобную возможность для сеньоров, поддерживающих графов де Фуа, де Комминжа и де Сен-Жиля, что было особенно важно для французов. Симон, поначалу, протестовал, но, услышав доводы Ги и, что особенно важно для Монфора, Робера де Мовуазена, согласился:

– Симон! Давай и мы поиграем в «рыцарство» и «благородность»! – Предложил Ги де Леви. – Объявим на переговорах, что мы станем пропускать без сопротивления всех сторонников мятежного Раймона де Сен-Жиль!

– Ги! Но, зачем? – Удивился Монфор.

– Очень просто, Симон. – Ответил Ги. – Жестом «доброй воли» мы, сможем покончить, практически, со всем «сопротивлением»! Сеньоры обязательно придут на помощь к графу

Раймону! А, в основном, это будут местные сеньоры и их дети, лишённые тобой всех земель и прав на наследование! Пускай приезжают! Чем больше – тем лучше! В Тулузе мы их, скопом, и...

Ги де Леви сделал красноречивый жест рукой по горлу. Робер кивнул в знак согласия, добавив:

– Эти местные сеньоры сейчас прячутся в горах и по лесам, постоянно тревожат и атакуют наши гарнизоны в замках. Они отнимают скот и провиант у наших тыловых частей, нарушая наше снабжение. Пускай, они войдут в Тулузу на помощь своему сюзерену Раймону. Пускай...

Симон встретился с представителями осажденной стороны возле мельниц Базакля, как раз возле места, где части графа Раймона форсировали Гаронну, и согласовал все условия...

Горожане, которые были больны или слабы духом, имели право покидать Тулузу. Сеньорам гарантировалось право допуска в город к их сюзерену Раймону де Сен-Жиль, чтобы оказать ему военную поддержку...

Через северные ворота в город вошли Хуго-Раймон де Альфаро со своими сыновьями и племянниками, сеньоры де Пелэ, большие отряды баронов де Андюз и де Мирпуа. К концу мая, в Тулузу прибыло пополнение отрядами сеньоров Гильома де Мадальяна, Гильома-Жюно де Ланта с сыном, Бернара-Журдена де Ля Иль, мессиров Вирена и Оттона де Ломейн и сеньора Сишо де Пюиморэна. Эти сеньоры привели к графу де Сен-Жиль больше сотни рыцарей и до четырех сотен пехотинцев.

Крестоносцы радовались. Теперь, им оставалось просто захватить Тулузу и разом покончить со всеми противниками. Как раз, в это же время, к ним прибыли большие отряды северных баронов и сеньоров практически из всех провинций королевства.

От герцогства Бургундии прибыли мессир Дрё де Мелло и Ламбер де Тьюри с сотней рыцарей.

От Иль-де-Франс – Гиом де Мелло, кузен мессира Дрё де Мелло и Пьер де Ваузен, приведя с собой двадцать рыцарей и сто пятьдесят арбалетчиков.

От графств Анжу и Пуату прибыли мессир Тибо де Блазон – сенешаль Пуатье, мессир Амори де Кран и Гильом де Лош вместе с сорока рыцарями и двумя сотнями пехотинцев.

От Пикардии и Фландрии прибыли сеньор Мишель де Гарне, граф Ален де Руси и Рауль де Нейль, граф де Суассон.

Даже соседи-южане – Аквитания, Гасконь и Арманьяк прислали своих знатных сеньоров. Под Тулузу к Симону де Монфору прибыли: граф Жеро де Арманьяк с сотней копейщиков, мессир Рено де Обюссон, Гуго де Ла Мотт, Арсье де Монтестью, Амори де Альбре и Бертран де Гурдон.

На широком поле возле древней Тулузы собиралось рыцарство северной, западной, и юго-западной Франции, чтобы сразиться с рыцарством юго-восточной Франции, мятежной и непокорной...

Симон де Монфор, как и предложили товарищи, стал исполнять роль «доброго хозяина», встречая и приветствуя отряды знатных сеньоров, прибывавших в его лагерь.

Честно сказать, толку от прибывших отрядов было мало. Большинство сеньоров и рыцарей смотрели на осаду Тулузы, как на обычный «сорокадневный» поход, стараясь не рисковать своими жизнями лишней раз. Рыцари и бароны пили, гуляли, стреляли, ради скуки, из требюше и фрондибол по укреплениям Тулузы, да грабили местные округа...

А вот осажденные рыцари и жители, казалось, приободрились и стали вести себя гораздо активнее, все чаще делая опасные и наглые вылазки из города!

Наступал июнь, охватывая своим жаром Юг Франции и «жаря» французских рыцарей в их кольчугах и стеганых панцирях, словно в духовке мясо...

В конце концов. Симон де Монфор не смог дольше выдержать и попросил, скорее, потребовал у Ги де Леви и его товарищей начать решительный штурм Тулузы. К нему поступило

донесение из замка Шато-Нарбоннез, вынесенное одной из женщин-кухарок его жены Алисы, что у гарнизона заканчиваются припасы и стрелы для арбалетов.

Но, накануне, словно в доказательство того, что от «судьбы не уйдешь», случилось самое страшное...

Ги де Монфор, младший брат Симона, послушался приказов своего брата и сюзерена, приведя под Тулузу небольшой отряд стрелков и конных рыцарей. Симон был поражен и разгневан. Не меньше его разозлились и другие рыцари, посвященные в страшную тайну графа Монфора.

– Ги! Какого черта ты приперся под Тулузу! – Не выдержали нервы у Ги де Леви. – Тебе же ясно приказали сидеть в Лаворе и держать север графства! Быстро проваливай отсюда!

Ги покраснел и возмутился, но спорить не стал. Младший брат Симона, хотя и был немного туповат и уперт по натуре, не любил спорить с приказами старших по роду или званию. Он молча кивнул и поплелся к своей лошади, нетерпеливо бьющей копытом возле палатки.

– Но... можно мне, хотя бы глазком, взглянуть на ваши приготовления к завтрашнему штурму города? – С надеждой в голосе спросил он у Ги де Леви.

– Нет. Даже и не думай приближаться к стенам Тулузы. – Отрезал Робер де Мовуазен.

– Хорошо. – Кивнул Ги де Монфор и сел на коня.

Он кивнул свите, и группа всадников медленно тронулась из лагеря.

Июнь выдался жаркий и душный. Рыцари, сопровождавшие Ги де Монфора, парились в своих крепких кольчугах. Многие из них сняли свои тяжелые шлемы, услужливо подхваченные оруженосцами, и ехали только в подшлемниках или вообще – с непокрытыми головами. Они завидовали своему командиру – Ги де Монфору, ехавшему впереди отряда в легком гамбезоне ярко-красного цвета, на котором красовался лев герба рода Монфоров.

Ги, все-таки, не держался и решил проехать, как можно ближе к позициям крестоносцев, осадивших Тулузу...

Граф Бертран де Комминж, как назло, именно в это время проводил проверку арбалетчиков, оборонявших восточные барбаканы Тулузы. Он тепло поздоровался с начальником обороны восточного барбакана – доном Диего де Альбакастро, весело подшутил над немного приунывшими стрелками, когда ему доложили о группе франкских рыцарей, обнаруженных дозорными.

Граф де Комминж поднялся на верхушку укрепления барбакана и всмотрелся в приближавшихся франков. Солнце слепило глаза графа, но, ошибиться он не мог. Как ему показалось, нет! Он был точно уверен в том, что всадник, ехавший впереди группы рыцарей, был одет в цвета дома Монфоров – его заклятых врагов! Скулы графа Бертрана напряглись и выступили на его побледневшем от злости лице. Да! Сомнений не было. Всадник ехал в красном пурпуре, на котором был виден лев!

«Жаль, что лица не видно! Солнце, как назло, слепит глаза...» – плюнул граф де Комминж. Он повернул голову к своим солдатам и спросил:

– Эй! У кого глаза помоложе? Посмотрите, случаем, не граф ли Симон едет возле нас на коне?

Воины кинулись к укреплениям и стали всматриваться в группу всадников.

– Кажись он, ваша светлость! Да! Точно, это Монфор! Мы узнали его герб!

Граф Бертран повел бровями.

«Да, я не ошибся!» – подвел итог граф, но, вслух сказал:

– Ну! Кто решится поразить графа Симона из арбалета с первого выстрела? Даю десять золотых монет!

Стрелки замялись. Расстояние до всадника было близким к недостижимому. Воины сомневались. Всадники, словно нарочно дразня их, немного приблизились к барбакану...

Ги де Монфор решил задержаться возле одной из позиций крестоносцев, чтобы полюбопытствовать, как идут дела у воинов...

– Мы готовы, Ваша светлость! – Согласились стрелки барбакана.

Граф де Комминж вынул кошель и положил на каменные плиты укрепления десять крупных монет, заигравших на солнце золотыми бликами. Воины оживились. Они стали прицеливаться во всадника, стараясь заработать деньги.

– Так! Стреляйте по очереди! Не то я замучаюсь выслушивать вашу ругань, если вы с дуру попадете в графа! – Засмеялся Бертран.

Арбалетчики стали стрелять по всаднику в красном гамбезоне. Правда, без толку!

Ги засмеялся, указывая своим рыцарям на неумелых арбалетчиков, засевших в барбакане и стрелявших по нему:

– Смотрите, мессирь! Это мужичье толком не умеет даже управиться с арбалетами, что же тогда думать о мечях?

Рыцари весело засмеялись шутке графа.

Арбалетчики, один за другим, промахнулись, вызвав негодование и небольшое раздражение у графа де Комминжа.

– Да! Хреновые из вас стрелки! Вот, что я скажу! – Повернулся граф к командиру барбакана. Дон Диего пожал плечами, но ничего не ответил.

Из толпы арбалетчиков послышался робкий голосок:

– Да, ваша светлость, всем легко укорять других за то, что «у них руки не из того места растут»! Может, вы нам покажете, как надо «правильно» управляться с арбалетом? Мы все слышали, что вы – несравненный стрелок в здешних краях! Вот, и показали бы нам, простофилям, как надо стрелять по врагам!

Граф кашлянул, возмущившись наглости воинов. Но, спорить с ними не стал, а приказал заново снарядить и натянуть арбалет.

– Смотрите, как надо! – С легкой улыбкой ответил де Комминж.

«Господи! Помоги...» произнес он и выстрелил.

Тяжелый арбалетный болт взвился в небо и полетел по направлению к всаднику в красном...

Ги де Монфор продолжал, как ни в чем ни бывало, подтрунивать над защитниками барбакана, когда арбалетный болт со страшной силой попал в него, выбив из седла. Болт попал в нижнюю часть живота, практически рядом с ногой, перебив кость и, слава богу, не задев артерию. Ги упал, обливаясь кровью. Слуги быстро подхватили раненого графа и понесли его к ближайшей палатке, чтобы перевязать и выдернуть стрелу...

Увидев, что стрела точно поразила рыцаря в красном, граф де Комминж повернулся и спокойным голосом, изобразив невозмутимость и безразличие, сказал:

– Вот! Так и надо стрелять! К тому же, и денежки сэкономил!

Он рассмеялся и пошел к выходу из барбакана, оставив ошеломленных стрелков и их командира. Его сердце бешено колотилось...

В палатку, где сидели Симон де Монфор и Ги де Леви, вбежал испуганный и растерянный Робер де Мовуазен. Его глаза, круглые от ужаса, казалось, были готовы вылезти из орбит!

– Симон! Кошмар! Ги ранен! Ты просто не поверишь!..

– Но как?.. – произнес, ошеломленный этим известием, граф Симон.

Робер, запинаясь, быстро и несколько импульсивно, рассказал Симону де Монфору о ранении его брата.

– Да. Ребята! А, ведь и в правду – от судьбы не уйдешь! – Как-то зло произнес Симон, мрачно улыбнувшись.

– Так! Перестань! Мы тебе сказали уже обо всем этом! Будешь сидеть и, ни при каких обстоятельствах, не выйдешь из палатки! – Решительно сказал Ги де Леви.

– А, если тебе тошно – можешь находиться весь завтрашний день в походной часовне! – Добавил Робер де Мовуазен. – Там ты будешь под присмотром у Бога!

– Судьба... – вздохнул Симон де Монфор. – Ладно, ребята. Будь то, что должно быть!

Рыцари немного успокоились и, на следующий день, 25 июня 1218 года назначили решительный штурм укреплений южной части Тулузы...

Графа Раймона разбудил грохот рушащихся балок его дворца. Он вскочил и стал судорожно одеваться. Гигантский камень, выпущенный из фрондиболы, разбил крышу его дворца, едва не завалив обломками графа де Сен-Жиль. Граф Раймон выбежал на улицу и увидел, как стали загораться многие из строений города, подожженные снарядами врага. Жители метались в панике, крича и спасая добро. Рыцари и горожане спешили на внешние стены. Граф остановил одного рыцаря, кажется, это был Гийом де Мадальян, и спросил:

– Начался решительный приступ, мессир рыцарь?

– Да, ваша светлость! – Крикнул рыцарь, уводя своих воинов к стенам. – Простите, сеньор граф, нам надо спешить на свои позиции! Враг нападает!..

Над городом со страшным свистом летели камни, просто глыбы, выброшенные из требюше и фрондибол врага. Видимо, инженеры де Монфора, наконец-то, рассчитали правильный вес и угол обстрела...

Граф Раймон собрал своих рыцарей и пехотинцев, увлекая их к южным воротам, одной из слабых мест обороны. Когда они подошли, там уже командовали графы де Фуа и де Комминж, отдавая четкие приказания защитникам города:

– Арбалетчики мессиров де Мирпуа и де Пелэ – правая сторона от ворот! Арбалетчики сеньоров де Андюз, де Кастр и де Ланта – на левую сторону от ворот! Сеньоры де Ля Иль, де Пюиморэн, де Альфаро удерживайте позиции возле ворот! Забирайте всех своих рыцарей и пехотинцев. Но удержите врага от прорыва в город!

Граф обернулся и увидел Раймона с отрядом:

– Вы, как раз нам и нужны, мессир граф де Сен-Жиль! Думаю, что пора использовать «ваш» план контратаки! – Сказал граф де Комминж, намекая на подземные ходы...

Ворота дали трещины в нескольких местах после точных выстрелов из катапульт и требюше. Они, вот-вот должны будут упасть. Не хватало только еще одного, точного, попадания. Рыцари, ведомые Бушаром де Марли, и конница, которой руководил Ги де Леви, уже скапливались возле моста, когда по ним стали стрелять из катапульт и камнеметов. Рыцари попятнулись и стали отступать! Они боялись, что могут быть покалечены «неблагородным» видом оружия!

Бушар и Ги напрасно старались, пытаясь развернуть отступающих рыцарей и всадников. Крестоносцы панически отходили, так, толком не начав атаки!

И, в это самое время, защитники, используя потаенные проходы и подземные галереи, начали контратаку, стремясь поджечь и разрушить осадные машины французских рыцарей де Монфора, подтянутые слишком близко к стенам и воротам Тулузы...

Граф Симон де Монфор в полном рыцарском облачении молился в походной часовне и слушал мессу...

Граф Раймон-Роже де Фуа приказал зажечь сигнальный огонь над воротами Тулузы. С тыла на лагерь французов устремились небольшие отряды всадников. Это были несколько местных сеньоров со своими рыцарями, предусмотрительно занявшие позиции в лесочке неподалеку от лагеря врага...

В походную часовню, где молился граф Симон, вбежал посыльный и, запыхавшись, крикнул графу:

– Ваша светлость! Враги пошли на вылазку, и угрожают нашим осадным орудиям! Рыцари в панике отступают от моста, бросая позиции!

Симон де Монфор повернул голову в сторону говорившего рыцаря и, каким-то отрешенным голосом, сказал:

– Успокойтесь, шевалье. Позвольте мне прежде дослушать проповедь отца-настоятеля о божественном откровении и узреть таинство моего искупления...

Лицо графа де Монфора было бледным, но спокойным. Рыцарь поклонился и собирался покинуть часовню, когда в нее вбежал еще один рыцарь, посланный Ги де Леви...

– Ваша светлость! Скорее! Придите к нам на помощь! Битва возле осадных машин усиливается! Мессир маршал де Ла Фо послал меня к вам! Рыцари не мог долго удерживать позиции! Мы можем потерять все осадные машины!!!

Симон повернул голову и, стоя на коленях пред священником, спокойно ответил:

– Подождите, мессир рыцарь! Я не выйду, покуда не узрю своего Искупителя!

Граф молча и со смирением закрыл глаза.

Священник поднял гостию и поднес ее к графу Симону. Граф, стоя на коленях, произнес:

– Теперь, Господи, позволь, Твоему слуге, следуя слову Твоему и Зову, удалиться с миром! Ибо мои глаза узрели Спасителя, исходившего от Тебя!

Граф Симон де Монфор встал с колен и взял с алтаря свой меч. Он уже выходил из походной часовни вместе с другими знатными баронами, когда вдруг обернулся и, глядя на крест, произнес глухим голосом:

– Мы пойдем и умрем, если надо, за Тебя!

Бароны немного опешили, но граф повернул голову к ним и, надевая свой шлем, сказал:

– Идемте, сеньоры бароны Франции, и погибнем, если надо так, за Того, Кто ради нас презрел смерть!

Графу подвели коня. Симон запрыгнул в седло и повел баронов и рыцарей в контратаку, чтобы отбить осадные орудия и помочь рыцарям де Леви.

Атака удалась, враги откатились под прикрытие валов и стен Тулузы, но арбалетный огонь и залпы из камнеметов усиливались. Рыцари, не имея возможности преследовать врага дальше, укрывались за изгородями и навесами, поставленными возле требюше и фрондибол...

Лошадь Симона качнулась и стала заваливаться на бок. Граф быстро вынул ноги из стремян и успел кубарем откатиться в сторону от коня. Симон сильно ушибся, но был не ранен. Он отошел к требюше и укрылся за изгородью, прикрывавшей воинов от камней и стрел врага.

– Мессир! Надеюсь, что на этот раз, вы будете более крепки! – Сказал Симон рыцарям и воинам, спрятавшимся за изгородью...

Он высунул голову из-за изгороди, чтобы что-то крикнуть мессире Ги де Леви...

Атака защитников захлебнулась. Они быстро отступали, просто бежали, в ужасе прячась от атаки тяжелой конницы графа де Монфора. Этой контратакой Симон, казалось, снова напомнил всем защитникам Тулузы, что его нельзя победить! Это он уже показывал им под Кастельнодари и под Мюре, разбивая многочисленные отряды южан. Только залпы арбалетчиков, руководимых графом де Фуа, спасли город от прорыва в него французов!

Эрмессинда де Лорак, после убийства всей ее семьи в Лаворе, казалось, потеряла разум. Она бродила, словно потерянная, среди развалин, когда ее подобрала сердобольные евреи. Они отвезли несчастную девушку в Тулузу, где ее определили в странноприимный дом...

Разум постепенно возвращался к ней. Сначала, в виде ночных кровавых кошмаров, озаженных пожарами и криками людей. Потом, к ней возвратилась детская память...

Настоятель странноприимного дома был поражен, когда узнал, кто в действительности эта девушка! Эрмессинда де Лорак! Последняя, из некогда могущественного и влиятельного рода де Лорак-Монреаль! Племянница несчастных Жироды и Эмери де Монреаль, убитых в Лаворе!..

Эрмессинда, как и другие женщины Тулузы, занималась оборудованием укреплений, копала рвы, делала частоколы. Сегодня, как и всю последнюю неделю, она вместе с сестрой графа де Фуа Эсклармондой, юной девушкой и истой катаркой, состояла в расчете одной маленькой катапульты, едва бросавшей камни на сотню шагов...

Они чуть подвинули катапульту, на глаз прицеливая ее в рыцаря в красном сюркоте, высунувшегося из-за изгороди...

«Один шанс из тысячи...» – подумала Эрмессинда де Лорак. Ее рука отпустила засов, державший катапульту. Камень со свистом взвился в небо, изгибаясь по дугообразной траектории...

Ги де Леви увидел, что Симон де Монфор жив. «Слава Богу, пронесло!» – вздохнул Ги. Он приказал прислуге начать ремонт требюше, фрондибол и других осадных машин, поврежденных врагами.

Симон де Монфор вышел из-за изгороди и крикнул Ги де Леви:

– Ги! Собирай рыцарей для новой атаки! Я думаю, что она будет последне!..

Не успел граф Симон договорить фразу до конца, когда камень, выпущенный Эрмессиндой де Лорак из катапульты, раздробил ему шлем и голову. Граф де Монфор упал. Подбежали оруженосцы и слуги. Они подняли тело бесчувственного сеньора на руки и бегом вынесли его из-под обстрела. Оруженосцы занесли Симона в его палатку и осторожно положили на постель...

Вошел Ги де Леви, следом за ним – Бушар де Марли и Робер де Мовуазен. Их глаза были расширены от ужаса. Граф Симон сам рассказал им некоторое время назад о своей будущей гибели...

Шлем графа был глубоко вмят. Камень не смог расколоть его крепкую сталь...

Слуги стали аккуратно снимать шлем с голову графа. Из-под него, на кольчугу и красный сюркот Симона полилась струйка темной крови. Когда слуги, наконец, сняли шлем с головы несчастного, лица у Симона де Монфора не было! Вместо него было жуткое кровавое месиво! Граф Симон был уже мертв!..

Крестоносцы, шокированные смертью графа Симона де Монфора, прекращали осаду Тулузы и откатывались на восток, к Каркассону. Это был последний оплот северян на взбунтовавшейся земле Тулузы...

Ги де Леви, подняв знамя переговоров, въехал в Тулузу. Его встречал граф Раймон де Сен-Жиль, графы де Фуа, де Комминж и остальные знатные сеньоры.

– Я, шевалье Ги де Леви, маршал де Ла Фо, объявляю вам, сеньоры, о снятии и прекращении осады города Тулуза! Смерть поразила нашего благородного предводителя, храброго графа Симона де Монфора! Пропустите меня в Шато-Нарбоннез к его вдове, благородной Алисе де Монморанси-Монфор! Я, своим решением, сдаю Шато-Нарбоннез и отвожу его гарнизон в Каркассон! Надеюсь, вы позволите рыцарям выйти из замка с оружием и знаменами, чтобы сопроводить тело их сюзерена в «последний» путь?

Раймон стоял, открыв рот. Граф Раймон-Роже де Фуа, первым пришел в себя от этого страшного известия, и ответил:

– Да, благородный де Леви! Передайте мадам графине, что мы все скорбим о преждевременной кончине ее супруга, храбрейшего Симона де Монфора! Для всех нас было честью сражаться против столь знатного и смелого противника!

Граф де Фуа и остальные сеньоры почтительно поклонились, расступились и пропустили Ги де Леви в замок. Ги вошел в ворота замка, где его уже ждала Алиса де Монморанси-Монфор. Она, словно чувствовала неладное. Ее бледное лицо и искусанные в кровь губы подтверждали увиденное. Ги поклонился ей и тихо произнес:

– Мадам графиня...

– Нет... не может быть... – тихо простонала Алиса. Она упала, потеряв сознание.

Через час, гарнизон замка Шато-Нарбоннез покидал город Тулузу. Воины проходили через плотные ряды молчавших жителей Тулузы, которые не могли проронить ни единого слова. Они, тоже, уважали смерть своего врага!..

Едва отъехав на расстояние в два лье от Тулузы, как отряды крестоносцев повстречались с пышным кортежем, в котором следовали папские посланники. Ги де Леви поднял руку, отряды остановились. Он подъехал к ним и спросил:

– Куда путь держите, святые отцы?

Один из папских посланников, толстый и пожилой кардинал, с явным итальянским акцентом, произнес:

– Сеньор рыцарь! Мы следуем к Тулузе, к лагерю славного крестоносного воина, его светлости графу Симону де Монфору! Мы везем специальную буллу Его святейшества папы Иннокентия о присвоении благороднейшему и верному сыну Церкви титула «Рыцарь Иисуса Христа»!

Ги грустно улыбнулся:

– Вы едете в правильном направлении, святые отцы.

Кардинал, успокоившись, продолжил:

– Не могли бы вы, благородный мессир рыцарь, сопроводить нас до его светлости Симона де Монфора? Нам надо вручить ему Буллу.

– Отчего же. Вы можете вручить ему Буллу прямо здесь...

Кардинал оживился, он о чем-то долго переговаривался на латыни с другими посланниками, после чего произнес:

– Не подскажете, кто из этих благородных сеньоров рыцарей и есть Симон?

Ги пожал плечами, указывая на гроб, накрытый красным. На нем сиял золотой вздыбленный лев – герб де Монфора:

– Вам не надо так далеко ехать, святые отцы. Вот он. Возложите сюда, святые отцы. Его светлость Симон де Монфор уже перед Творцом...

Священники ужаснулись, не веря своим глазам. Кардинал собрался с мыслями и произнес:

– Но, как же теперь будет проходить «очищение» этих земель от катарской ереси, мессир рыцарь? Кто теперь возглавит славное Христово воинство?

Ги пожал плечами:

– Ваше высокопреосвященство! Уж точно – не я! У графа Симона остались дети, наверное – старший сын Амори де Монфор станет новым графом и наместником.

Кардинал высказал обеспокоенность:

– Но, мессир рыцарь! Он же не имеет такого авторитета, как его покойный отец!

– Согласен с вами, святой отец! Лично для меня, судя по всему, все эти походы закончились...

– Но, мессир рыцарь! Вы, судя по вашему флагу, относитесь к высшей иерархии крестоносного движения! Может быть...

– Нет! – Отрезал Ги, перебив кардинала. – Я действительно маршал крестоносной армии. Но, я выполнил свою миссию. Я исполнил обет вооруженного паломника! Пока был жив граф Симон – я воевал! Сейчас же – я собираюсь домой в ближайшее время. Мир стал неинтересен без Симона де Монфора и его яркости!..

IV ГЛАВА.

Англичанин.

Постоялый двор возле Малого Моста. Париж. Вечер 16 апреля 1221 года.

Маршал оставил сына общаться с принцем Людовиком и поехал в постоялый двор, где его слуги должны были уже закончить свои размещения, и где Ги ожидал увидеть мессира Жильбера де Клэр, своего старого знакомого еще со времен Нормандской компании 1202 – 1205 годов.

Маршал быстро проехал мост, миновал заставы и немного пропетлял по извилистым улочкам старой части Парижа. Как он и ожидал, оруженосцы не смогли снять комнаты и зани-

мались тем, что дубасили хозяина и прислугу постоялого двора, загнав их в угол конюшен. Ги усмехнулся, прикрикнул на них, несказанно обрадовав хозяина гостиницы, и приказал им ехать во дворец для размещения в служебных пристройках. Последние слова его тирады повергли несчастного владельца в шок и ступор. Хозяин постоялого двора затрясся всем своим жирным телом, упал на землю и стал умолять высокородного и вельможного сеньора не казнить его, потому что какие-то проклятые англичане сняли все комнаты в его доме, попутно разместив всех слуг и оруженосцев в соседней гостинице. Ги улыбнулся и узнал, где сейчас находятся англичане и их предводитель.

Облегченно вздохнув и вытерев вспотевшее от испуга лицо, трактирщик указал на задний дворик:

– Они там, сеньор! Сидят, понимаете, и пьют! Гогочут, спать людям мешают... – он угодливо показал рыцарю на щит, прикрепленный к столбу гостиницы. – Вот, поглядите, каков наглец! Взял, да и вывесил свой окаянный щит на самом виду...

– Не твоё дело, скотина безродная, подобным образом говорить о благородных рыцарях! – Маршал для острастки замахнулся на него кнутом. – Запорю, скотина!

– Ой, простите, ради Христа! – Завопил владелец двора, упав на землю. – Ой, Матерь Божья! Да у вас и щиты почти схожие...

Действительно, гербы рода де Леви и де Клэр на удивление были схожи между собой. Только стропила рода де Клэр были красного цвета.

– Смотри у меня... – Ги поднес кулак к его перепуганному лицу. – Много говоришь! Быстро подними из подвалов два бочонка своего лучшего вина и кати их во двор! Какое у тебя вино?..

– Анжуйское, сеньор... – забормотал трактирщик. – Самое отборное...

– Не дай Бог, обманешь... – Ответил Ги, повернулся и пошел к англичанам.

Маршал увидел группу из двадцати рыцарей, которые сидели под яблонями, пили вино и слушали рассказы мессира Жильбера де Клэр. Все они, за исключением предводителя этого импровизированного отряда, были молодые юноши лет восемнадцати или двадцати от роду, впечатлительные и неопытные. Молодежь раскрыв рты слушала какой-то очередной рассказ Жильбера о своих былых кампаниях, проведенных под знаменами его величества Ришара Кёрдельон, само собой, предводитель из деликатности опускал неудачные моменты своей жизни, как правило, связанные с годами правления Жана Сантерра. Группа перевернула свои щиты по-походному варианту и кушала мясо прямо с обратной поверхности, как это было заведено на войне.

Ги де Леви тихо подошел, встал за спиной мессира Жильбера и весело произнес:

– Ах, ах, что же вы умолчали своим воинам, как потеряли замок Шато-Гайяр наемникам Ламбера де Кадока? Нехорошо, мессир де Клэр! Ах, как негоже рассказывать только о своих победах...

Жильбер де Клэр услышал знакомые интонации, но не мог сразу вспомнить, кому они принадлежат. Он покраснел, вскочил и развернулся к неизвестному нахалу, который осмелился перебивать его во время повествования и нагло упрекнул в позорной сдаче грозной твердыни и любимицы покойного короля Ришара.

– Да как вы смее... – хотел, было крикнуть Жильбер, но внезапно замолчал и, хлопнув себя по лбу, громко произнес:

– Святые небеса! Мессир де Леви! Матерь Божья! Сколько лет, сколько зим! Вот уж, признаться, не рассчитывал вас увидеть!.. – Он обнял рыцаря, несколько минут тряс его в объятьях, потом, повернулся к молодым англичанам, смотревшим на все это с широко раскрытыми глазами, и сказал. – Мессир! Позвольте представить вам самого грозного рыцаря Нормандской кампании его величества Филиппа Французского! Мессир Ги де Леви. Собственной персоной. Этот сеньор наделал много шума по всей славной земле герцогства! Что там гово-

рить, если сам покойный король Ришар глубоко уважал отвагу мессира де Леви, покойный ныне король Жан ненавидел его, а покойный Меркадье боялся отряда мессира Ги! Вот, мои молодые друзья, какой человек сейчас стоит перед вами...

Рыцари вскочили и поклонились маршалу. Ги немного смутился, помялся с ноги на ногу, и заметил:

– Право, мессир, не стоит. Я несколько слукавил, когда сказал о потере замка Шато-Гайяр. Наемники Кадока нечестно захватили твердыню, они влезли через люки отхожих мест, пользуясь голодом и слабостью защитников. Мессир де Клэр никогда бы не сдал замка! Он, я не боюсь этих слов, образец истинной службы и верности!..

– Перестаньте, Ги, это излишне... – в свою очередь смутился де Клэр, похлопав маршала по плечу. – Право, не стоит...

В это время изрядно побитая прислуга постоялого двора прикатила два бочонка вина, расстелила большую льняную скатерть и поставила несколько блюд с жареным мясом. Ги улыбнулся и, поведя рукой, пригласил англичан к импровизированному столу:

– Прошу вас, мои дорогие английские сеньоры, откусать и выпить, чем бог послал...

Жильбер обнял маршала и кивнул рыцарям, позволяя им рассаживаться.

– Так это твои орлы все утро дубасили хозяина и прислугу?! – Засмеялся Жильбер, наливая в кубок вино. – Однако, ну и шустры они у тебя!..

– Ничего, добрая тренировка пойдет им на пользу... – улыбнулся Ги де Леви. Он поднял кубок и произнес. – Предлагаю выпить за моих английских гостей, решивших вкусить сладость рыцарских утех на благодатной земле Франции!..

Они выпили, англичане стали произносить ответные тосты, в общем, пикник удался. Ги шутил и смеялся, рассказывал различные истории о войне, крестовом походе в Палестину и, что особенно важно, в земли Тулузы и Тренкавелей. Англичане слушали, раскрыв рты от изумления и позабыв обо всем. Маршал понял, что именно сейчас самый удобный момент:

– Мессир де Клэр, как мне, право, жаль, что скоро придется оставить вас и вашу веселую компанию. Долг службы, сами понимаете...

– Что такое? Вот незадача... – расстроился Жильбер. – Неужели, вам опять необходимо куда-то уезжать?..

– Именно, вы угадали... – пожал плечами Ги де Леви. – Я назначен снова на должность сенешаля Каркассона и еду в Окситанию бороться с еретиками. Это, скажу я вам, будет куда интереснее, чем скакать по турнирам, да ломать тупые копыя. Штурм горного замка – не партия в шахматы, мои молодые английские друзья! Эх, видели бы вы твердыню Монтобана, сложенную из кроваво-красного гранита, посмотрели бы на штурм Лавора, когда мессир Бушар де Марли вломился в пролом ворот со своим жутким мечом-бастардом! Мама родная, это просто сказка была, а не жизнь...

Англичане приумолкли, и наступило молчание. Маршал, изобразив легкое опьянение на лице, рассеянно оглядел лица англичан – их глаза возбужденно горели, щеки покраснелись...

– А, поехали со мной? – Внезапно сказал Ги де Леви и засмеялся. – Очень, даже, здорово! Места там красивые, богатые! Замки каменные, ой, чуть не забыл! Сенешаль имеет право выделять лены рыцарям, но, тут одна загвоздка, ленникам придется приносить оммаж самому королю Филиппу...

– Это плоховато... – почесал подбородок Жильбер. – Ты ведь знаешь, как у нас в Англии сурово относятся к подобным вещам...

– Да и у нас также... – невозмутимо ответил маршал, поддевая кинжалом кусок жареного мяса. Он подложил под него большой ломоть хлеба, чтобы не закапать камзол жиром, и добавил. – Хотя, как я помню, разрешили же мессире Гильому де Марешаль принести оммаж его величеству Филиппу за нормандские владения... Значит, сейчас это уже возможно...

Он обвел глазами англичан. Они мялись, было видно, как горят рыцари желанием отправиться в столь увлекательное путешествие, сулящее им приключения, битвы и, возможно, награды в виде земель, владений и замков... Ги понял, что они ждут только команды Жильбера де Клэр, которого они почитали за командира.

– А, давайте-ка, махнем для начала к моему старинному приятелю? Мессир Бушар де Марли, поговаривают, заскучал в своих родовых замках... – Ги хитро посмотрел на рыцарей. Имя легендарного мессира де Марли ошеломило молодые и хмельные английские головы. – Если не желаете, можете, пока, съездить на турнир в графство Шампань. А что, тоже занятие! Сломаете пару-тройку турнирных лансов, потеряете несколько коней.... Мелочь... Сушая безделица можно сказать!

– Слушай, Ги, а это действительно возможно?.. – спросил маршала Жильбер, кивая головой в сторону английских молодых рыцарей.

– Что именно?..

– Ну, наградить кого-нибудь из них...

– А-а-а! Естественно! В прошлую мою кампанию, когда я служил под знаменами его светлости Симона графа Монфорского, – англичане чуть не потеряли сознание от столь громкого имени легендарного крестоносца, – лены распределялись прямо на поле боя...

– Мы едем... – Громко сказал Жильбер де Клэр, обведя взглядом своих рыцарей. – Молодежи надо практиковаться в реальном бое, а не заниматься играми на ристалище, перегороженном барьерами и окруженном визжащими, словно поросята, дамами!..

– Только, поправлюсь! – Громко ответил Ги де Леви. – Дело предстоит опасное! И скажу я вам, мои уважаемые английские сеньоры, некоторые из вас могут не дожить до следующей весны...

Жильбер окинул взором рыцарей, прочитал в глазах решимость и согласие, повернулся к Ги и громко ответил:

– Мы согласны! Принимай нас под свое знамя, мессир де Леви, и веди против еретиков Окситании! Английские сеньоры, клянусь тебе, не опозорят гордого имени Англии!

– Одна неточность, мессир де Клэр... – аккуратно поправил его де Леви, – моё звание – маршал де Ла Фо! Именно, под таким именем меня помнят враги в землях Тулузы и Тренкавелей!..

– Виват! Виват маршалу де Ла Фо!.. – громко крикнули англичане и подняли кубки с вином.

Ги поднял вверх руку, прося тишины:

– Мессир! Рекомендую вам съездить, все-таки, на турнир в Шампань! Его светлость, граф Тибо, будет горд и счастлив принять столь славных и храбрых английских сеньоров у себя в гостях! Время, уверяю вас, пролетит незаметно! Ровно через месяц я буду ожидать вас у южных ворот Буржа, откуда мы отправимся в Каркассон! Запомните, мессир Жильбер! Ровно через месяц, шестнадцатого мая, после утренней молитвы, я буду стоять на поле за Тулузскими воротами, и ожидать вас до полудня. Не опаздывайте...

– Не извольте беспокоиться, маршал де Ла Фо! Мы не заставим себя долго ждать... – поклонился Жильбер де Клэр.

Ги де Леви встал, поклонился и сказал:

– Извините за необходимость покинуть вас, благородные сеньоры! Долг службы...

– До скорой встречи в Бурже, маршал! – Весело подмигнул ему Жильбер де Клэр.

Ги оставил веселую и шумную компанию англичан и, насвистывая какую-то песенку, пошел к своему коню, которого уже успел вычистить, напоить и покормить овсом хозяин постоянного двора.

Он низко и подобоострастно поклонился знатному сеньору, придержал стремя его седла.

– Смотри у меня! – Грозно прикрикнул на него Ги де Леви. – Не дай Бог, мессир де Клэр пожалуется на твое гостеприимство!..

– Ой, да что вы такое изволите говорить, сеньор! Я даже и не думал обижать английских гостей... – залопотал перепуганный хозяин. – Ни в коем случае!..

– Молодец! Так и поступай дальше! Бог вознаградит тебя за щедрость и доброту...

Королевский дворец. Остров Сите. Вечер того же дня.

– Однако! – Филипп развел руками, изображая крайнее удивление. – Маршал всерьез взялся за дело!

– Истинно так, ваше величество. – Ответил его постельничий Готье не Немур. – Маршал де Ла Фо сумел-таки уговорить английских сеньоров поехать с ним в Каркассон, просто поразительно.... Правда, сир, он позволил, на мой взгляд, лишнее...

– Что именно?

– Он пообещал возможность выделения ленов для англичан... – ответил Готье.

– Ну и что! Если рыцари заслужат, пусть выделяет! Они, все равно, будут приносить оммаж мне, а не турецкому султану!

– Но, тем не менее, сир. Этими словами и обещаниями сеньор маршал нарушает ваши права...

– Замолчи, если ничего не понимаешь в делах! Сеньор де Леви, как королевский сенешаль, имеет полное право на такие деяния! Не тебе судить храброго и преданного рыцаря...

– Клянусь Господом, сир, я и не подумывал об этом... – замялся Готье.

– Вот, учись, как надо быстро дела решать... – усмехнулся Филипп, зевнул и потянулся, расправляя плечи. – Ладно. Утро вечера мудренее...

– Спокойно ночи, сир... – поклонился постельничий, собираясь потушить свечи.

– Оставь... – небрежно бросил король. – Я, пожалуй, почитаю что-нибудь, на сон, грядущий...

Готье поклонился и вышел, плотно прикрыв за собой дверь в королевскую опочивальню. «Молодец, маршал. – Подумал Филипп. – Ей Богу, молодец...»

V ГЛАВА.

Бушар де Марли.

Замок Марли – владение Бушара де Марли. 28 апреля 1221 года.

Ги де Леви рассказал королю Филиппу о беседе с мессиром де Клэр и его английскими рыцарями, разыскал своего сына и отправил его спешно собирать рыцарей из замков родового лена, а сам направился на юго-запад от Парижа, почти по дороге домой, где возле огромного и дремучего в те времена Шеврезского леса, но с его восточной окраины, располагались владения семейства де Марли.

Маршал ехал только со своим оруженосцем. Приятная весенняя погода сглаживала этот путь и позволяла ехать налегке, не утруждая себя надеванием теплых меховых одежд. По дороге, маршал частенько останавливался в придорожных тавернах, гостиницах и постоялых дворах, заезжал, если замки были по пути его следования, в гости к своим старым знакомым рыцарям, многих он знал еще со времен войны против короля Ришара Кёрдельон. Тихими вечерами, Ги де Леви беседовал с ними, сидя возле жаркого камина, неспешно потягивал вино и вскользь говорил, что уезжает, скуки ради, снова на Юг Франции.

Так, от замка к замку, от городка к монастырю, маршал добрался до главного замка мессира Бушара, построенного еще грозным баронами из рода Монморанси и неоднократно усовершенствованный его не менее боевитыми и буйными потомками.

– Вот это да!.. – восхищенно произнес Ги, увидев с вершины небольшого холма, замок, господствовавший над всей округой. – Надо же, ума не приложу, как мой предок Годфруа, царствие ему небесное, вместе с королем Людовиком осаждали его?..

– Ну и громадина! – Поддакнул ему оруженосец, удивленно всплеснув руками. – Словно шато Крак-де-Шевалье или Аскалон в Святой земле...

Ги усмехнулся яркости сравнения, весело шлепнул оруженосца по плечу:

– Ой, ты, ей Богу, когда-нибудь насмешишь меня до смерти, Шарль! Да! Ничего не скажешь, замок отменный, но, прости меня, на Аскалон он, все-таки, не похож! К твоему сведению, я лично бывал в том замке и видел его, мало сказать, щупал каждый камень! А, вот, на *Керак-ле-Шато*, в коем изволил одно время проживать мессир Рено де Шатильон, прозванный сарацинами «франкским сатаной», замок мессира Бушара действительно похож!..

– Неужели?... – удивленно покачал головой оруженосец. – Значит, я все-таки угадал!..

– Ага! Только ты, Шарль, и не догадываешься, почему они так похожи... – хитро посмотрел на оруженосца маршал. – Нипочем не догадаешься...

Оруженосец почесал затылок и сдался:

– Ей богу, не знаю, хозяин...

– Вот, то-то и оно, Шарль! – Покачал головой де Леви. – Ладно, так уж и быть, скажу...

Они въехали на вершину холма, немного постояли и стали плавно спускаться к его подножию, где, как раз начиналась дорога, мощеная камнем, которая вела к замковому мосту и воротам.

– Все просто, Шарль, – ответил Ги. – Переделку и усовершенствование замка Крак-де-Шевалье придумал сам покойный мессир Монморанси, только и всего. А, уже потом, спустя лет десять-двадцать, его отстроили крестоносцы короля Бодуэна Иерусалимского! Видишь, вон, стоит большой кубический донжон в четыре этажа!

Ги показал рукой, Шарль посмотрел и кивнул головой.

– Его начал строить первый сеньор рода. Сначала, он был наполовину каменный, а два верхних этажа были сложены из дубовых бревен. Только году, этак, в 1130, старый барон закончил выкладывать камнем верхние этажи донжона, да вон те куртины с тремя башнями и прорезными бойницами, но без машикулей и стрелковых крытых галерей. Именно такой замок и осаждал мой первый предок...

– Удивительная, все-таки, штука, эта жизнь! – восхитился оруженосец. – Предок воюет, а потомок дружит.... Поразительно!..

Вообще-то, стоит подробнее рассказать об этом грозном замке. Монморанси вернулся из первого крестового похода, где заслужил славу храбреца и бесстрашного рубаки. Вдоволь насмотревшись византийских крепостей и сарацинских каменных твердынь, он загорелся идеей создать нечто подобное и на своих владениях.

Хитрости барону было не занимать и, первым делом, он, как и подобало покаявшемуся грешнику, основал монастырь и аббатство на своих землях. Все в округе и королевстве славили де Монморанси и пели осанну его благочестию. Одного только они не поняли! Он получил возможность использовать труд монахов и паломников в своих целях. Но это еще не все! Он мог получать доходы с монастыря и аббатства, когда у тех не было настоятелей. За три года, он создал первый контур замка, который включал в себя донжон, куртину и три каменные башни. Конечно, наполовину донжон был еще деревянным, куртины низкие, да и подъемного моста еще не было. Но, лиха беда началу! Распоясавшись, отчаянный барон так измучил своими поборами монахов, что, в конце концов, короля Людовика вынудили, скрепя сердцем, атаковать «тирана» и безбожника. Но, замок выдержал двухлетнюю осаду и сдался только тогда, когда его хозяин понял, что тянуть больше нельзя. Король мог окончательно рассердиться на своего вассала и, чего доброго, убить в пылу сражения!

Мессир де Монморанси покорился, выдал замок, который, кстати, осаждал после ранения короля Людовика никто иной, как Годфруа де Леви, предок маршала.

Тома да Марли, для вида, покался, выплатил штрафы королю и тем сеньорам, которых он «нечаянно» и по ошибке пограбил... и принялся за улучшение обороны замка.

Почти через сто лет, замок Марли, его так называли, потому что он располагался неподалеку от аббатства, которое было неподалеку от крупного селения Марли, приобрел окончательный и грозный вид. Семейство окружило замок глубоким и широким рвом, куда постоянно поступала вода из соседней речки. Марли сделали два каменных моста, усилили надвратные башни подъемными механизмами и решетками. Всё это было еще новшеством в те времена, построили второй контур куртин и шесть башен, господский дом, больше смахивающий на дворец знатного вельможи, кузницы, амбары, большую замковую церковь и несколько водяных и ветряных мельниц, которые скопировали у сарацин.

Возле замка разрослась деревня, превратившаяся со временем в небольшой бург, окруженный каменной стеной и воротами, даже ярмарка проводилась возле замка по окончании жатвы.

Ги де Леви проехал бург и ступил на каменные плиты моста. Навстречу ему вышел шателен замка, поклонился и спросил:

– Что угодно вашей милости?..

– Маршал де Ла Фо приехал в гости к своему старому другу, мессире Бушару де Марли... – спокойно ответил Ги, осматривая стражников, зашевелившихся в тени арки ворот.

Шателен еще раз поклонился, заулыбался и ответил:

– Боже мой! Какая несказанная радость! Мессир де Леви, мой хозяин так много рассказывал о вас и ваших подвигах в Окситании!..

– Очень рад... – кивнул ему Ги, – скажите, а мессир Бушар в замке?..

– Да, конечно, естественно, сеньор маршал де Ла Фо! Их милость сейчас изволит рыбку удить с тыльной стороны замковой стены!..

– Что? Рыбку удить?! – Раскрыл рот от изумления Ги де Леви. – Бедный Бушар! Это же надо, до чего он докатился со скуки!..

Шателен перекрестился и украдкой посмотрел за спину, опасаясь своего хозяина, вздохнул и произнес:

– Слава Богу, пусть удит. А то, прости Господи, совсем загонял ребят из замка своими штурмами, атаками и прочими премудростями. А, ежели он вынет свой огромный меч-бастард, всё пропало, хоть караул кричи и в Палестину беги!..

Маршал весело засмеялся, вытер перчаткой слезы, выступившие у него из глаз, и сказал:

– Если можно, не извещайте моего друга. Я желаю сам поприветствовать его и посмотреть, как его милость Бушар удит рыбку!

Ги де Леви засмеялся так, что чуть не упал с коня. Стражники невесело усмехнулись, перекрестились и отошли снова в тень ворот. Маршал въехал во двор замка, слез с коня, бросил поводья оруженосцу и пошел к большой дверце, которую указал ему шателен. Стражник, покосившись на гостя, открыл дубовую дверь и пропустил Ги ко рву.

Бушар де Марли сидел с удочками на склоне рва, поросшего травой и бурьяном, и весело насвистывал какую-то песенку. Рядом с ним стоял кувшин с вином и до краев наполненный кубок, на большом ломте белого хлеба лежала холодная говядина, а на скатерти лежал широкий кинжал.

Мессир де Марли взял в руку кубок и поднес его, уже было, ко рту, когда Ги громко сказал:

– Ну, здравствуй, мой друг Бушар! Да! Вижу, ты, брат, дошел до ручки! Рыбку, что ли, удим?!..

Бушар поперхнулся вином, выронил кубок и вскочил.

– Слава Богу! Хотя одна родная душа в этой глухомани! – Он обхватил маршала и оторвал его от земли, сжав в своих объятьях. – Ги, родной мой, как я счастлив, что вижу тебя! Думал, грешным делом, что ты совсем позабыл меня!..

– Брось ты, Бушар! Отпусти, совсем задушишь меня! – Засмеялся Ги и попытался высвободиться из крепких объятий де Марли. – Годы не властны над тобой, мой храбрый де Марли! Отпусти, задушишь!..

Бушар отпустил маршала и виновато пожал плечами:

– А, что делать-то, скука заела, сил больше нет! Соседи воевать не хотят, боятся гнева короля и моего меча-бастарда! Молодых и дерзких рыцарей сейчас толком не увидишь, их мамыши прячут, словно они реликвии какие-то!..

– А, ты не пробовал подумать о наследниках, Бушар? Или, может, ты, случаем, подхватил «арабские склонности» и стал содомитом?..

– Издеваешься? Да? Ну, спасибо тебе, Ги де Леви! А, еще другом называешься... – махнул рукой Бушар. – Я бы, конечно, не прочь обзавестись наследником, даже стал бы примерным отцом и воспитателем, но, как я ни стараюсь, моя благоверная умудряется рожать только девок! Вот, незадача! – Он хлопнул себя по колену. – А все из-за того, что мои родители, царствие им Небесное, договорились о нашей свадьбе еще до ее рождения! И теперь вот я пожиная плоды. А что тут жаловаться, когда я даже ни разу не видел ее лица, фигуры, ножек, в конце концов до самого момента венчания! А, вдруг, она кривая, косая или, не приведи Господь, горбатая или хромоногая будет? Жаль, что у тебя нет дочки на выданье! Ей Богу, развелся бы с ней, да женился бы и не раздумывал!..

Маршал понял, что попал в точку. Скука и серость сельских будней в замке практически dokonала Бушара де Марли.

– Знаешь, друг мой, – заговорил Ги, – а я, ведь, снова на службе у короля Филиппа...

– Все мы на службе... – вздохнул Бушар. – Только, тебя уже призвали, а я пока прохлаждаюсь в глуши...

– Скучаешь, наверное, по былым временам, а? – Подмигнул ему Ги де Леви.

Бушар часто закивал головой и почти прослезился, вздохнул и ответил:

– Не то слово, как скучаю – по ночам снится!..

– Так, и до греха недалеко! – перекрестился маршал и произнес. – Я снова назначен сенешалем Каркассона...

Бушар вскинул голову, его глаза были широко раскрыты, ноздри раздувались, как у буйвола:

– Ой, счастье-то, какое! Возьми меня с собой! Я тут сойду с ума от скуки или, чего страшного, атакую кого из соседей, да сожгу его замок...

– Сам понимаешь, ты можешь поехать со мной, только как частное лицо...

– Любым лицом поеду, только возьми! – Закричал Бушар и с силой пнул ногой удочки, стоявшие над водой рва. – Видеть их больше не могу!..

– А я, если честно, за этим и приехал к тебе... – обнял его маршал. – Спасибо, мой верный друг. Знаешь, Бушар, я и сына с собой беру!..

– Ги-младшего? – Обрадовался Бушар. – Малец любит байки травить или послушать больше мастак?

– Нет, он молчун у меня... – пожал плечами Ги.

– Когда выезжаем? – спросил Бушар, засовывая свой кинжал за пояс.

– Шестнадцатого мая мы с тобой и нашими людьми должны забрать рыцарей мессира Жильбера де Клэр возле южных ворот Буржа... – спокойно ответил маршал.

– Великолепно! – Обрадовался Бушар, потирая руки от удовольствия. – А ты, мой дорогой, до этого дня ты будешь самым желанным гостем! Ох! И погуляем же мы! А англичанина-то, зачем ты с нами берешь?

– Знаешь, мой друг, кучкой-то оно веселее, да и спокойнее будет...

Он повернулся к чистому полю, раскинувшемуся напротив замка и громко крикнул:

– Эй, соседи! Берегитесь! Я проснулся!..

Десять дней, которые маршал гостил у Бушара де Марли, превратились в одну сплошную попойку, чередуемую «скромными» выходками и проказами «пробудившегося» товарища. За это время, пока они «готовились» к поездке, несчастный бург возле замка горел три раза, но это были только цветочки. Ягодки пошли потом, когда пьяный Бушар, к ужасу Ги де Леви, ночью поднял гарнизон и рыцарей своего замка и атаковал своего соседа, который, к своему великому неведению и несчастью, оказался практически забытым фамильным врагом...

Когда Ги стал расспрашивать протрезвевшего Бушара де Марли о причинах столь неожиданного нападения на замок соседа, тот почесал затылок, залпом выпил порядочный кувшин вина – промочил горло, и спокойно, как ни в чем не бывало, ответил:

– А он, подлец разэтакий (Бушар любил сдабривать свою речь хлесткими непечатными выражениями, когда не находилось нормальных слов, чтобы объяснить) участвовал в первой осаде вот этого самого замка! Вот, я и отомстил за дедушку...

Ги с ужасом посмотрел на него. Бушар спокойно сидел и ковырял кинжалом под ногтями, бормоча под нос что-то.

– Бушар! Дорогой мой! Сейчас же не прошлый век! Мы все стали гораздо спокойнее, добрее и терпимее! К тому же, ты должен помнить, что и мой предок осаждал твой замок! Возьми и поколоти меня, что ли, раз ты взялся мстить обидчикам твоего рода...

От этих слов Бушар выронил кинжал, поднял голову и взглянул на маршала:

– И не стыдно тебе, Ги, сравнивать своего деда с этими тварями?! – Грозным, но достаточно миролюбивым тоном, словно Бушар извинялся за свои шалости и выходки, ответил он. – Ты, мой друг. Это – раз. Два, это совсем другое дело. Твой предок исполнял приказ сюзерена, короля Франции! А это, поверь мне, совсем другое дело! Ну, малость разломал его барбакан. Ну, немного покосились ворота! Только и всего... Ругаться-то, зачем? Я, что, похож на злодея и хулигана из подворотни? Нет! Ну, с кем, в конце концов, не приключается подобная оказия! Тем более, по пьяной лавочке! Неужели, после этого, все только и будут, что пенять мне и тыкать в глаза, приговаривая: «Ай, ай, мессир Бушар, как не стыдно...». Мне эта фразочка поперек горла еще с раннего детства...

– Хорошо. Завтра же нам надо уезжать. Я сейчас pošлю своего оруженосца с письмом к прево и главному бальи домена, где объясню причины твоего недавнего, так сказать, проступка. – Маршал налил вино и протянул кубок Бушару. – На, выпей и охладись! Полагаю, что письмо маршала крестоносной армии возымеют действие и немного утихомирят страсти. Напишу, что налагаю на тебя очередную епитимью и увожу в крестовый поход против еретиков и мавров!

– Да? А мы, что, и против мавров пойдем? – Восхитился Бушар де Марли. – Это, совсем другое дело! Мне рассказывали, что там полно золота, шелков и женщины там ходят полуголые! А еще, там есть такие дома, где одни молодые и красивые девушки! Они и сидят, и лежат, и в бассейнах с розовой водой купаются! Красота! Ух! Аж дух захватывает!..

Ги уронил голову на грудь и громко засмеялся.

– Ты чего, Ги? – Спросил его де Марли, трясая за плечо. – Плохо, что ли, тебе?..

Ги поднял голову и со смехом ответил:

– Боже правый! Какой же ты, в сущности, дитя! Какие, к черту, мавры! Нас ждут, максимум, осады нескольких замков и городков, засады врагов и стрелы в спину! Ну, в качестве приза за храбрость, так уж и быть, могут отравить, подлив или подсыпав какую-нибудь гадость! Все, никаких мавров не будет...

– Ну, не будет, значит, не будет. – Кивнул де Марли. – Хотя, конечно, жаль...

VI ГЛАВА.

Дорога на Каркассон.

Южные, или Тулузские ворота Буржа. 16 мая 1221 года.

Мессир де Клэр не обманул ожиданий маршала. Его небольшой отряд из двадцати молодых английских рыцарей ожидал прибытие де Леви на большой поляне возле стен Буржа, как раз на том самом месте, где раньше проводились рыцарские турниры. Огромная и ровная поляна была создана матерью-природой, словно специально для проведения конных ристалищ. Именно на этой поляне первый предок маршала вместе с принцем Людовиком, будущим королем под прозвищем «Толстый» или, куда больше и вернее сказать – «Воитель», скрещивали турнирные мечи и ломали копья о щиты поединщиков.

Прямо перед самым Буржем, Ги де Леви вместе с мессиром Бушаром де Марли встретили отряд рыцарей, которых молодой Ги вел из родовых замков. Каждый из дюжины прекрасно оснащенных конных рыцарей-вассалов маршала ехал вместе с оруженосцем и конюшим, ведя с собой выючную лошадь для амуниции и мула для имущества и прочей поклажи. Хочу заметить, что маршал прекрасно учел опыты прошедших военных кампаний. Поэтому, все оруженосцы и конюшие, хотя и имели более плохое вооружение, чем у их рыцарей, были прекрасно подготовленными профессиональными *бойцами-кутилье*. Это позволяло увеличить ударную конную мощь в три раза, доведя ее, таким образом, почти до ста конных воинов «первой и второй волн атаки». Все рыцари были в кольчугах, шлемах-шишаках, при простых мечах, копьях и удлинненных мечах-бастардах, позволявших прорубаться сквозь строй пехоты, оцетинившейся копьями. Хотя, если заметить, все-таки сюркоты на них были значительно проще и беднее, чем на предводителях отряда – отце и сыне де Леви.

У оруженосцев и конюших были круглые щиты-рондаш, а вместо кольчуг надеты крепкие и добротные кожаные котты, набитые плотным войлоком и проклепанные металлическими или бронзовыми пластинками. Шлемы у всех были шапели, которые смахивали на перевернутую вверх дном глубокую металлическую тарелку. Мечи прислуги были короче, чем у рыцарей, но позволяли наравне биться при конной схватке с противником. Вся прислуга, как и шестьдесят конных арбалетчиков, были вооружены арбалетами с тремя колчанами для стрел-болтов, что составляло по сто пятьдесят стрел на каждого воина. Не стоит забывать, что каждый из воинов вел с собой выючную лошадь, что придавало этому отряду грозный и солидный вид.

Отряд мессира де Марли был отнюдь не скромнее. С ним выехали сорок пять рыцарей, но, поверьте мне, все они были так вышколены и прекрасно вооружены своим грозным сюзереном, что стоили целой сотни конников, если не больше. Бушар был вынужден обойтись такими скромными силами не из жадности или скудости владений, а просто из опасений, чтобы его соседи, воспользовавшись отлучкой беспокойного соседа, не смогли атаковать его замки, владения и крестьян, чтобы отомстить или, хотя бы, немного возместить ущерб, нанесенный им постоянными хулиганскими выходками и вылазками мессира де Марли.

Мессир Жильбер де Клэр еще раз осмотрел своих рыцарей, высказал парочку критических замечаний по содержанию коней и вооружения, когда его окликнул один из рыцарей, указывая на ворота Буржа:

– Мессир де Клэр! Кажется, это вышел отряд маршала де Ла Фо!..

– Ну и что ты так кричишь, словно увидел целую армию короля Филиппа! – резко ответил де Клэр, повернул голову в сторону городских ворот и обомлел от удивления и изумления. Из больших Тулузских ворот колонной по три всадника вышла... целая армия, если судить по количеству лошадей и копий.

Жильбер потряс головой, полагая, что ему чудится столь внушительная армия, снова присмотрел и сказал:

– Однако! Мессир маршал, судя по всему, весьма обстоятельный сеньор...

Он подъехал к одному из своих рыцарей и спросил:

– Так, мессир Артур, прошу вас, посмотрите, чьи это вымпелы реют над этим воинством, вы у нас самый грамотный и образованный рыцарь в отряде.

Артур де Беллем взглянул на флаги, подумал, прищулив один глаз, и ответил:

– Судя по всему, этот отряд принадлежит только трем сеньорам – маршалу де Ла Фо, его старшему сыну и, если не ошибаюсь, мессир де Марли из рода Монморанси. Да! Все правильно, это его черные орлы на золотых полях, разделенные красным крестом участника первого крестового похода...

Жильбер удовлетворенно покачал головой и ответил:

– Гм. Но, откуда у маршала столько рыцарей?..

Артур де Беллем присмотрел внимательнее и ответил:

– Все очень даже просто, мессир де Клэр! Сеньор де Леви применил самый последний и современный способ комплектования своего ленного отряда. – Артур указал рукой в середину строя первого отряда. – Смотрите, мессир Жильбер. У него и оруженосцы, и конюшие переведены в ранг «кутилье», а это увеличивает ударную мощь конницы почти в три раза. Лучше сказать, практически в два раза, так как маршал, скорее всего, применяет метод «первой и второй волны атаки», что дает ему большой маневр и фронт...

– Да, и верно мне говорили остальные рыцари, что ты – просто ходячая кладезь мудрости! – Восторженно похвалил своего рыцаря мессир Жильбер. – Ну, вот, скажи ты мне, старику полуграмотному, откуда в твоей голове столько всего набралось?!

– Так ведь, мессир Жильбер, почти все епископы Шрусбери – из рода де Беллем, который относится к дому Монтгомери! Еще великий король Гильом Завоеватель, раздавая лены, учредил, что средний сын из рода де Монтгомери-Беллем должен наследовать епископство Шрусбери, тогда как его старший брат должен становиться графом Шрусбери. Вот, нас постоянно и обучают, с самого раннего детства в монастырских школах... – ответил молодой Артур де Беллем.

В это время маршал де Ла Фо подъехал к мессир де Жильберу и поздоровался:

– Доброе утро, дорогой мессир де Клэр! Я несказанно рад видеть вас и ваших шевалье во здравии и бодром расположении духа! Надеюсь, что турнир в Шампани пришелся вам по нраву?..

– И вам, дорогой мой мессир де Леви, всего самого приятного. – Поклонился в седле де Клэр. – Спасибо, турнир, и в правду, оказался отличным! Вон, гляньте, как мои молодые рыцари потрудились...

И он показал рукой на пять рыцарей, ехавших без вооружения на мулах.

– Да, значит, попались они кому-то под горячую руку! – засмеялся Ги де Леви, осматривая горе-рыцарей, проигравших свои схватки и потерявших коней, и все вооружение.

– Что поделаешь... – развел руками Жильбер, – даже и не знаю, что с ними теперь и делать! Домой, что ли, отправить! Так, ведь, ей Богу, жалко их, горемычных...

– Это вещь поправимая. – Ответил Ги де Леви. – Никуда их отправлять не надо. Думаю, что я и мессир де Марли сможем, как-нибудь помочь их беде, и экипируем всех пятерых, как положено. Хотя, пусть носы не воротят, если их доспехи будут, скажем так, не первой молодости!..

– О чем вы говорите, дорогой друг! – Обрадовался де Клэр. – Я просто и не знаю, как вас благодарить...

– Не надо, это пустое... – Поклонился Ги де Леви. – Кстати, всем вам, как моим наемникам, будет положено жалование, размер которого утвержден самим королем Филиппом!

– Вообще, просто нет слов, дорогой маршал! – Поблагодарил от лица своих рыцарей Жильбер де Клэр. – И, сколько, если не секрет?..

– Каждый рыцарь вашего отряда будет получать ежедневное жалование в размере трех су и пяти денье серебром... – пожал плечам де Леви, отвечая на вопрос. – Это жалование будет выплачиваться при нахождении в замках или других укрепленных местах. А во время конных рейдов, жалование будет поднято до пяти су в день.

– Премного благодарен вам от лица своих рыцарей... – учтиво ответил Жильбер.

Маршал увидел, как к ним почти подъехали мессир Бушар и Ги-младший, и представил Жильбера де Клэр:

– Сеньоры! Прошу любить жаловать – мессир Жильбер де Клэр, мой старый знакомый еще со времен Нормандской кампании!

Жильбер поклонился рыцарям, а Ги продолжил представлять своих соратников:

– Мессир де Клэр! Представляю вам мессира Бушара де Марли, моего верного и храброго товарища и соратника!

– Мессир де Марли, очень рад знакомству! – Поклонился Жильбер. – Слава о вашем мече-бастарде докатилась и до нашей маленькой Англии. А то, как вы спасли жизнь его величества при Бувине...

– Спасибо, мессир де Клэр... – смутился де Марли. – Это был мой долг...

– Прекрасные слова, мессир де Марли! – Восхитился его скромности Жильбер. – Ваша скромность делает честь вашей храбрости!

Маршал улыбнулся и представил своего сына Ги:

– Мессир де Клэр, познакомьтесь – мой старший сын и наследник владений Ги Второй де Леви!

– Очень рад нашему знакомству. – Поклонился де Клэр.

– Для меня это огромная часть и гордость познакомиться с Вами. – скромно ответил Ги-младший, поклонившись англичанину. – Мой отец неоднократно приводил вас, мессир де Клэр, мне в пример...

– Право, мне нечем было заслужить такие похвалы вашего отца, – парировал Жильбер.

– Так, мессир, мы, судя по всему, готовы к маршу... – подвел итог знакомству маршал де Ла Фо. – Трогаемся немедленно!

Ги вынул рог и трижды протрубил, приказывая колонне начать движение на Каркассон. Рыцари тронулись в долгий и опасный путь, суливший призрачные надежды обогащения для англичан и суровую реальность партизанской войны французам.

Дорога, слава Богу, была нормальная, еще с римских времен, хотя, порой, попадались такие рытвины и огромные лужи, которые больше походили на болота. Рыцари успели перезнакомиться и, с согласия маршала де Ла Фо, отряды перемешались. Рыцари ехали попарно или группами, весело разговаривали, травили байки, хоть как-то пытались скрасить длинный путь.

Эта большая колонна, то и дело останавливалась на привалы, маршал отправлял оруженосцев и конюших к ближайшим королевским замкам, крепостям или башням за продовольствием, благо, что он запасся отличной подорожной грамотой, которую Филипп лично скрепил своей большой королевской печатью. Прево и бальи стонали, жаловались на скудость запасов и неурожай прошлых лет, но, тем не менее, исправно поставляли хлеб и мясо небольшой армии, правда, в очень ограниченных количествах, что Ги приходилось то и дело опустошать кошель для приобретения недостающего продовольствия на рынках и торгах.

Бушар де Марли нашел «благодарные уши» в лице молодых английских рыцарей, которые буквально окружали его и слушали о его похождениях во время альбигойского похода Симона де Монфора, раскрыв рты.

Ги де Леви и Жильбер де Клэр незаметно для Бушара улыбались в усы, качали головами, и вспоминали о своем прошлом, о временах Ришара Кёрдельон.

Рыцари и арбалетчики де Леви, на удивление быстро, нашли общие интересы в виде игры в кости и сдружились с головорезами мессира де Марли, что очень успокаивало Ги-младшего, смотревшего на здоровенных и широченных рубак мессира Бушара, как на ожившие статуи атлантов.

– Отец, это же надо, каких верзил набрал в свое войско мессир Бушар, – удивлялся Ги-младший в начале пути на Каркассон, – диву даюсь! Все они – точная копия своего грозного хозяина!

– Наш любезнейший де Марли обожает-таки гигантоманию... – улыбался отец и успокаивал сына. – За наших воинов не бойся, если ребята и получают по зубам пару-тройку раз, то, уверяю тебя, за дело. Бушаровские мордовороты только с виду такие жуткие, на самом деле, они очень покладистые и дружелюбные воины.

– Ничего себе, покладистые и дружелюбные! – Ответил Ги-младший, косясь, на ряды рыцарей де Марли. – Я слышал про их дела на поле Бувина, отец. Знал бы ты, что они там вытворяли своими мечами-бастардами, такими же, как и у их грозного повелителя!..

– Правильно, сын мой, – улыбался отец, – во время боя, еще и не такие кренделя выкинешь!..

Жильбер де Клэр, тем временем, уточнял для себя:

– Мессир Ги, скажите на милость, а женщины там хорошенькие?..

– А-а-а, в Окситании! – Засмеялся Ги-старший. Он покосился, не слышит ли их разговор сын. – Разные попадались! Мессир де Марли, помнится, так раздухарился, что взял, да и сбросил одну из таких в глубокий колодец! Иначе от них и не отвяжешься!..

Жильбер удивился:

– Они, что, такие прилипчивые? Поразительно...

– Нет, это шутка была! – Смеясь, ответил Ги. – Мадемуазель, которую мессир де Марли, так сказать осчастливил своим благородным «вниманием», была одной из виднейших катарских предводительниц! Не надо так смотреть на меня, Жильбер! Это – война, на там все возможно, если перед тобой враг! Не надо делать такое лицо, словно ты объелся кислых слив!

– Да, ну и нравы у вас, французов... – покачал головой де Клэр. – Сбросить женщину в глубокий колодец живьем...

– Это еще не все, дружище де Клэр! – Смеялся Ги. – Наш милейший Бушар еще, для верности, боясь, что эта сатана в юбке сможет выскочить оттуда на метле, забросал колодец огромными каменными глыбами! Вот, скажу я тебе, зрелище было! Что-то, сродни античным приключениям Геракла! Такие большие камни, ей Богу, вдвоем не поднимешь! А Бушар брал их и, словно пушинки нес к колодцу, откуда еще слышались стоны несчастной Жироде де Лорак-Монреаль – так, если не забыл, звали ту бестию в юбке!..

Жильбер укоризненно покачал головой и ответил:

– Мы, англичане, так с дамами не поступаем!

– Да что ты говоришь! – Завелся Ги де Леви. – Ладно, хорошо! Допустим, что вы так с дамами не поступаете! Зато, ваши покойные короли-братья, Ришар и Жан, вытворяли многое другое, и, скажу я тебе, оно переплюнет невинную шалость с колодцем мессира Бушара!..

Жильбер стал извиняться:

– Ладно тебе, Ги, перестань кипятиться! Мы знаем друг друга уже почти двадцать лет. Уверены, что не сделаем ничего плохого, успокойся...

– Обходимся с дамами... – разошелся де Леви. – А ваш Жан, к примеру, так изрезал своего родного племянника Артура де Бретань, что просто кошмар какой-то! А покойный Кёрдельон? Как он приказал перерезать глотки тысячам пленным мусульман на глазах у Саладина, запоздавшего приготовить обещанный выкуп? Молчишь? Краснеешь? То-то!..

– Все, давай не будем больше о плохом! – Протянул ему руку де Клэр. – Забудем, как страшный сон.

– Отлично, забудем! – Пожал ему руку маршал и добавил. – И, все-таки, вы – англичане, странный народ! Шутки абсолютно не понимаете! Верно, говорят люди, что у вас даже юмор какой-то особенный – английский! Он у вас такой, словно боевым молотом по шлему заехали! Где, когда и над чем, самое главное, смеяться – один черт разберет, прости меня Господи!

Жильбер засмеялся от острого и, главное дело, точного сравнения своеобразного английского юмора, подмеченного глазами его французского друга. Время, за шутками, разговорами и привалами пролетало быстрее и делало дорогу менее обременительной.

После Оверни с его стольным городом Клермон, колонна рыцарей свернула немного западнее, уходя на Тюрени. Именно от земель Тюрени маршал решил начать вхождение в мятежные края Тулузского графства.

Рыцари маршала де Ла Фо вступили во владения мятежного графа Раймона де Сен-Жиль через Кагор, прошли город скорым маршем и стали опускаться на юг, двигаясь на старой римской дороге, помнившей сандалию *Восьмого молниеносного легиона* Древнего Рима.

Путь их лежал в самый центр бывших владений виконта де Тренкавеля, первым павшего от руки крестоносцев Симона де Монфора и похороненного возле стен крепости Каркассон.

Они прошли Капельно-Монратье, перешли реку Авейрон по большому каменному мосту римских времен напротив Монтобана, в котором полюбовались грозной твердыней замка, сложенного из огромных кроваво-красных гранитных глыб, и, через три дня, обогнув, для верности, мятежную Тулузу и Авиньоне, приблизились к слабенькой крепости Капельнодари.

– Бушар! Бушар! – Крикнул Ги де Леви, увидев издали низкие стены и башни крепости. – Помнишь, как мы с тобой и покойным Симоном разгромили части графов де Фуа и де Сен-Жиль возле этой крепости?

– А то, как же! – Усмехнулся Бушар, он поймал заинтересованный взгляд десятков пар глаз английских рыцарей. – Давайте-ка, соорудим привал возле крепости! Если пожелаете, я могу рассказать о том бое...

– Конечно, расскажите, просим вас, месье де Марли! – Воскликнули молодые англичане, обступая со всех сторон грозного и ставшего уже легендарным рыцаря.

– Так уж и быть, слушайте, пока наши оруженосцы готовят поесть... – Сказал Бушар де Марли, усаживаясь на траву, которая росла в тени низкой крепостной стены Капельнодари.

VII ГЛАВА.

Бушар де Марли рассказывает о битве при Капельнодари.

Крепость Капельнодари. 26 мая 1221 года.

Бушар присел на склоне невысокой крепостной насыпи в тени полуразвалившихся стен. Молодые рыцари, среди которых были не только одни англичане, но и несколько французов из отряда месье де Леви, расселись полукругом и стали слушать де Марли.

– Значит так, – начал свой рассказ месье Бушар, от смущения решивший поправить складки своего сюркота вокруг пояса, – случилось это почти десять лет назад, так, без пары месяцев. В середине августа его светлость граф Симон предпринял довольно-таки неудачную осаду Тулузы. Я находился в крестоносной армии и командовал ударной конницей. В общем-то, и армией это не назовешь. Так, около пары сотен конных воинов, да сотни полторы стрелков и копейщиков. Но, мы, все-таки умудрялись этими крохами удерживать в подчинении и страхе большую покоренную территорию. Месье маршал де Ла Фо в это время наводил порядок в южной части графства, как раз, на стыках с Арагоном, Фуа, в общем, удерживал часть противника, как мог. Вертелся, скажу я вам, он, словно белка в колесе! То тут, то там, повстанцы и катары захватывали замки, нападали на тыловые отряды, но, это обычное дело для войны.

Бушар замолчал и присмотрелся к одному из англичан, который потянулся, было, к его большому мечу-бастарду.

– Эй, поаккуратнее с ним! – Грозно рыкнул месье де Марли и в сердцах добавил. – Незачем ручонки тянуть к взрослым игрушкам! Дорогой мой юный английский рыцарь, знали бы вы, что именно этим самым бастардом я получил на грешную душу такое несмываемое пятно, что пора руки на себя накладывать! Ну, да ладно об этом...

Оруженосцы подали кувшины с вином, разлили его по кубкам.

– Угощайтесь, мои юные друзья... – Бушар пригласил рыцарей. Они с охотой выпили вина, и де Марли продолжил свой неторопливый рассказ. По чести сказать, он был не сильный рассказчик, поэтому говорил медленно, как бы подбирая слова. – Так вот, их светлости графы

де Фуа и де Комминж вывели часть своих армий, блокированных мессиром маршалом, в обход и ударили по нашему небольшому отряду. Покойный граф Симон, царствие ему небесное, приказал снимать осаду и откатываться к Каркассону по старой римской дороге. Я, с позволения его светлости, отослал конного рыцаря с письмом мессире Ги де Леви, в котором попросил его выслать нам все имеющиеся свободные части для контратаки. Но, мессир де Леви был сильно стеснен в своих средствах и выслал нам в помощь только сто конников. Видит Бог, он сделал это вовремя, ибо они выручили нас!

Рыцари слушали мессира Бушара, раскрыв рты и вытаращив глаза. Еще бы, не каждый раз может так повести в жизни! Они сидели и слушали о, практически, легендарных людях, битвах и событиях, но, их рассказывал не какой-нибудь заезжий менестрель, а сам очевидец всех этих событий – легендарный рыцарь де Марли! А, это очевидец, определенно смущаясь внимания к своей скромной персоне, тихо рассказывал:

– Граф Раймон де Сен-Жиль перерезал нам дорогу возле местечка Сен-Мартен-ла-Ланд и закрыл пути к Каркассону. Наши рыцари, которые отходили от Тулузы в полном вооружении, сильно устали, их боевые кони притомились от долгой дороги. Немудрено, ведь они несли на себе вот уже с десятков лье огромный вес рыцаря в кольчуге и при оружии! Нам не удалась атака сходу! Да и, сказать по правде, ее трудно было так назвать! Вместо жуткого по силе галопа, наши декстриеры еле переступали копытами по земле. В итоге, нашу атаку враг отбил, и его светлость де Монфор приказал всем укрываться к слабенькой крепости Кастельнодари. Вы только посмотрите на нее! Сами поймете, как тяжело нам пришлось отбивать атаки пехоты и наемников де Фуа!

Мессир Бушар повернул голову и посмотрел на Кастельнодари:

– Крепость эта была построена очень давно. Сама она – по сути своей древнеримский *каструм*, выстроена в форме прямоугольника. Слава Богу, что по инженерной и тыловой части у нас был сам мессир Робер де Мовуазен! Великий, скажу я вам, инженiator, сапер и выдумщик различных и странных машин! У него была книжка римлянина Вегеция и еще какие-то старые пергаменты, по которым он и работал. Так вот, мессир де Мовуазен занимался у нас в войске восстановлением крепостей, приведением их в надлежащий вид, а при осадах он командовал штурмовыми и осадными машинами. Он где-то раздобыл две такие машины, способные метать каменные блоки и глыбы на приличное расстояние. Их его отряд и тащил к Тулузе, когда мы стали отступать. Из опасения потерять столь ценные механизмы, он их называл требюше, мессир Робер втащил один из них в Кастельнодари, а второй спешно припрятал в лесу, в двух лье от крепости.

Так вот, отошли мы, значит, и укрылись в крепости. Враги, долго радовались, что победили нас, назвав мелкую авангардную стычку «сражением при Сен-Мартен-ла-Ланд», хотя, Богом клянусь, это безобразие даже нормальным боем нельзя назвать! Запираемся мы, значит в Кастельнодари всей толпой, и оказываемся, словно сельди в бочке! Еды толком нет, обозы частично застряли на подходах к Тулузе или уже отступали к Каркассону, одна вода, несколько мешков с католическими хлебами и, слава Создателю, около сотни бочонков вина! – Вспомнив о вине, мессир де Марли изобразил умильную гримасу и продолжил. – Жрать нечего, только пей, да причащайся просвирами.

Мы даже не раздевались, так и спали вповалку в кольчугах, правда, приказали оруженосцам почистить, покормить и расседлать декстриеров. Они тоже должны были, как следует, передохнуть. Хотя и лошадь, а ведь тоже живая тварь, ей надо немного доброты, покормить, почистить, гриву расчесать, свеколку там сахарную, неплохо бы, дать! Он, твой конь боевой, за твою ласку и доброту к нему, сторицей отплатит в бою!

Ну, да ладно об этом! Эти разбойники, я говорю о наемниках графа де Фуа, нашли-таки другой требюше и притащили его к стенам крепости. Вот, смеху-то было! Они притащили эту громадину, а камней-то в округе днем с огнем не найдешь! Они промыкались, сердешные, всю

ночь, но смогли раздобыть три огромных камня. Самое смешное, что они не знали о существовании второго требюше!

Стали они под вечер, еще светло было, кидать свои камни по крепости, думали ворота или брешь какую пробить, чтобы сподручнее штурмовать было. Но, инженеры из них, как из меня, уважаемые молодые мессеры, монахиня! Первый камень у них улетел, в общем, не попал! Второй камень они выпустили более удачно – сбили зубец на угловой башне. А мы-то сидим и не знаем, сколько там у них еще камней и когда все это безобразие кончится! Позвали мессира Робера. Он поднялся на башню, нахмурился, поплевал на ветер и приказал заряжать требюше. Благо, что камней в крепости было достаточно, а если бы не хватило, мы могли разобрать внутренние постройки. Но, не зря мессира де Мовуазена звали инженером! Вторым камнем он умудрился расколоть требюше врага на части, правда, очень сильно переживал, даже от вина отказался! Так он, понимаете, любил эти свои штуковины!

В это время маршал де Ла Фо проходил мимо группы слушателей, улыбнулся и сказал:

– Мессир де Марли! Не надо скромничать! Между прочим, мои молодые друзья, этот выстрел из требюше произвел сам мессир де Марли!

Рыцари стали наперебой просить Бушара рассказать об этом.

– Ладно! Уговорили! – махнул рукой мессир де Марли, отхлебнул вино и продолжил свой рассказ. – Мне, прямо, не терпелось попробовать стрельнуть хотя бы раз в жизни из этой штуки! Ну, как это сказать, я упросил мессира Робера позволить мне отпустить рычаг требюше. Он покосился на меня, потом, на его светлость де Монфора, потом, снова на меня, и, в конце концов, сдался. А, чего ему было терять! Камней, слава Богу, у нас было вволю, стреляй – не хочу! Я и стрельнул....

Враги, помню, ужасно расстроились, кричали, ругались непотребно, пробовали починить – бесполезно! Мессир Робер еще разок пальнул по ним из своего требюше – они и разбежались, плюнув на свою затею.

Мы легли спать пораньше, граф Симон решил начать атаку и вывести части рано поутру. Ночь, помню, была темная, звездная и влажная. Светло было, но туманно. В этих краях одна напасть – утренние туманы. Густые, как сливки! Руку протянешь и не видишь свои пальцы.

Мы и не догадывались, что мессир де Фуа, надо отдать ему должное, задумал тоже утренний штурм. Всю ночь его пехотинцы вязали фашины, чтобы завалить ими рвы вокруг Кастельнодари.

И вот, когда туман стал рассеиваться, наши дозорные воины из числа стрелков и копейщиков его светлости де Монфора, увидели смутные силуэты врагов, которые шли, согнувшись в три погибели, и тащили на себе фашины. Между прочим, даже рыцари у них не погнушались такой работы!

Это, в итоге, их и сгубило! Граф Симон приказал срочно всем конным рыцарям и оруженосцам сесть в седла и, когда первая волна врагов подошла ко рвам Кастельнодари, скомандовал атаку. Стрелки зажигательными болтами подпалили фашины и ветер, а он, слава Господу, дул на врага, поднял густой дым. Вторые волны с фашинами не видели, что творится впереди, но продолжали идти к крепости.

Мы раскрыли ворота, смяли группу наемников графа де Фуа и атаковали пешие части. Это, скажу я вам, просто песня была! Наши декстриеры топтали копытами пехотинцев, которые визжали, словно поросята, бросали фашины и пытались бежать назад. Но, задние ряды врагов не дали им быстро отойти. Создалась жуткая суматоха, она быстро переросла в панику, и мы стали прорубаться в тумане вперед. Конные рыцари его светлости графа де Фуа не смогли атаковать нас – им самим пришлось пятиться на конях от наседавшей на них толпы перепуганных пехотинцев. Мы же продолжали теснить врагов, благо, что наши кони были свежими и отдохнувшими за ночь. Слава Создателю, что туман стал рассеиваться, подул утренний ветерок. Он-то и позволил подошедшим рыцарям мессира де Леви увидеть врага и атаковать его с тыла!

Части графов де Фуа и де Сен-Жиля попали в тиски! Но, его светлости де Комминжу удалось практически без потерь отойти к Мас-Сент-Прюэль и Авиньоне, укрепиться там и отразить нашу попытку преследования. Но, части графа де Фуа мы разгромили, словно псы бабочек! Его светлость де Сен-Жиль, не по чести сказать, оказался трусом. Он изволил покинуть свои части, оставил их без командования, не подумал о своем боевом соратнике – графе де Фуа, которого мы, просто сказать, пожалели и не стали добивать жалкие остатки армии врага.

Все-таки, не благородное это дело, гоняться за его светлостью де Фуа по полю, словно гончая за зайцем!

Мессир Бушар замолк и посмотрел на лица слушателей. Молодые рыцари сидели, словно завороченные, представляя себе эту сланную битву.

– Мессир Бушар, – робко спросил один из них, Артур де Беллем, – а сколько, прошу прощения, было врагов?

Бушар прикинул в уме и ответил:

– Значит так, наших рыцарей и пехотинцев было около шести сотен. А у них, на круг, выходило что-то около пяти или шести тысяч человек!..

– Просто чудо... – прошептал за спиной де Беллема какой-то рыцарь. – Прямо, как триста спартанцев!..

– Ну, вы уж меня простите, мои молодые друзья, – смутился Бушар. – спартанцы-то, как я помню, все полегли, а мы, слава Господу Вседержителю и его небесным ангелам, живы были и здоровы!

– Обед готов, мессир де Марли! – Поклонился один из оруженосцев Бушара. – Извольте отобедать, ваша милость!

Бушар улыбнулся, он очень любил покушать, встал и пригласил всех рыцарей к своему импровизированному столу:

– Пойдемте, помянем души храбрых сеньоров де Монфора и де Мовуазена, мои молодые друзья!

Рыцари весело встали и направились за Бушаром, словно утята за селезнем. Проходя, мимо оруженосцев де Марли, Артур де Беллем тихо спросил одного из них:

– Простите, вы не изволите утолить мое любопытство?

– Охотно, мессир, если я смогу вам помочь... – учтиво ответил оруженосец, нарезая куски хлеба.

– Почему мессир де Марли так ревностно следит за своим мечом-бастардом и не позволяет никому прикасаться к нему?

– Все очень просто, мессир рыцарь... – грустно ответил оруженосец. – Этим самым мечом мессир Бушар де Марли в битве при Мюре сразил его величество Педро Арагонского. Вот, мессир Бушар и боится, что если кто-нибудь дотронется до его меча, пока он жив, этот страшный грех может упасть на невинную душу...

Артур испугался, перекрестился и ответил:

– Большое спасибо...

– Не за что... – пожал плечами оруженосец и принялся снова резать хлеб.

После обеда маршал приказал рыцарям отдыхать в крепости, расставил оцепление и объявил, что на Каркассон они выступят завтра поутру.

VIII ГЛАВА.

Интересная философия и взгляд на оккультизм мессира Бушара де Марли.

Дорога на Каркассон. 29 мая 1221 года.

Три дня промучился любопытством молодой рыцарь Артур де Беллем. Дорога на Каркассон после крепости Кастельнодари была спокойной, ведь до главного опорного пункта крепостнощцев, каковым являлся Каркассон, оставалось менее двух или трех дней пути. Кастельнодари располагался практически посередине римской дороги, деля расстояние между Тулузой

и Каркассоном пополам. Все-таки, мудрые и практичные были эти римляне, построившие на Юге Франции оживленную сеть дорог, каструмов и городов.

Столица этого края – древний город Тулуза, помнила еще сандалии римских легионеров, маршировавших через него на покорение северных земель теперешней Франции, населенных племенами галлов, бриттов и другими древними народами, о которых остались только легенды и смутные предания. Захватчики готы сделали этот край своей основной базой и резиденцией, а Тулуза стала столицей их государства. Но, прошли несколько веков, и от бывшего могущества готов не осталось и следа, только, словно по иронии судьбы, эти края в древних франкских документах стали прозываться «Готским краем» или «готской маркой», а графы Тулузы по части своих владений, преимущественно расположенных в графствах Руэрг и Керси, стали называться «маркизами Готии».

Богатые и плодородные края Юга Франции постоянно манили к себе толпы завоевателей, которые каждое столетие погружали эти благодатные края в ужас кровавых войн и пожарищ. Но, удивительный край каким-то непостижимым образом возрождался из пепла пожарищ и, словно птица Феникс, становился все краше и богаче, снова привлекая к себе алчные взоры захватчиков. Даже, его удивительная и непостижимая способность растворять, словно переваривая в себе, захватчиков, не могла спасти древнюю Окситанию.

Очередная напасть для этих краев предстала в лице грубых и воинственных северных франков-крестоносцев и в очередной раз погрузила землю восьмого легиона в кровавую оргию войны, приукрасив ее кошмарными красками религиозного фанатизма и нетерпимости.

Тем временем, Артур де Беллем так измучил своими просьбами рыцаря Жильбера де Клэр расспросить мессира де Марли о его тайне, связанной с мечом-бастардом, что его английский командир, в конце концов, обратился к Ги де Леви с просьбой молодого Артура:

– Мессир Ги, простите меня за мой вопрос, который может показаться излишне любопытным и, отчасти, бестактным. – Сказал Жильбер де Клэр, подъехав к маршалу, который ехал в голове колонны. – Мои молодые английские рыцари так восхитились рассказами мессира де Марли о ваших альбигойских приключениях, что я осмелюсь попросить вас об одной услуге...

– Извольте, мессир де Клэр! – С охотой отозвался маршал де Ла Фо, покачиваясь в седле. – Если это не затронет честь моего друга де Марли, тогда, пожалуйста...

Жильбер ответил:

– Надеюсь, что не затронет, хотя этот вопрос, сеньор де Леви, крайне деликатен...

– О, вы уже заинтриговали меня, мессир Жильбер! – Засмеялся Ги. – Право, мне и самому стало интересно!..

– Речь идет, как бы так сказать, о мече мессира Бушара...

– Да? О каком мече? У него, если не ошибаюсь, их целая коллекция!

– О его мече-бастарде, с которым он не расстанется ни на мгновение. Говорят, что он не позволяет даже своим оруженосцам касаться его, не говоря уже о том, чтобы почистить и поточить! Только он сам точит и полирует свой большой меч!

– А-а-а! Знаю этот меч! – Кивнул маршал. Он повернулся в седле и крикнул Бушара, прося его подъехать. – Эй! Мессир де Марли! Не могли бы вы подъехать к нам!..

Ги повернулся к де Клэру и тихо сказал:

– Так уж и быть, спрошу. Но, я не уверен, что мессир Бушар изволит ответить на этот вопрос...

Когда к ним подъехал де Марли, маршал спросил:

– Бушар, дружище! Говорят, ты покрыл какой-то тайной свой большой меч? Все молодые рыцари буквально извелись любопытством! Да и мне, признаться, стало интересно, что за тайна такая!

Бушар скривился, словно у него заболел зуб, посмотрел по сторонам, и ответил:

– Это личная и деликатная тема...

– Точно? Может ты, случаем, стал тайным еретиком? Мне, как маршалу крестоносцев, надо знать о таких вещах своих друзей... – не унимался Ги.

– Нет, никакой я не еретик! – Обиженно ответил де Марли. – Ты ведь помнишь ту историю с королем Педро Арагонским?

– Еще бы! – Отозвался Ги. – Битву при Мюре никогда не забыть!

– Так вот, – грустно ответил Бушар, перекрестился и стал рассказывать. – Это случилось после битвы при Мюре. Не помню точно, когда это все началось, но только иногда стал король Педро сниться мне по ночам!..

Рыцари перекрестились. Такое не часто услышишь от грозного воина, каковым считался мессир де Марли.

– Меч это, если вы не знаете, – продолжал свой удивительный рассказ Бушар де Марли, – был выкован в Германии, мастерами-тевтонами. Тевтонские древние племена – это удивительный народ! Как и многие древние германцы, они почитали храбрость и отвагу. Особенно они ценили храбрость воинов, которые пали от их рук, доставив им много трудов и отняв у них много сил. Они, эти древние тевтоны, даже собственные имена мечам давали. Этим, они спасали себя и свое оружие от того, чтобы в мече не поселились души убитых воинов...

Рыцари молча переглянулись. Ги выдохнул и сказал:

– Ну, ты, право, даешь! Это же надо, куда тебя угораздило! Ты теперь увлекся каким-то оккультизмом! Побереги свою душу, друг мой! Не надо нагружать сердце и ум всякими бреднями. Его величество пошел наперекор воле его святейшества папы Римского, который запретил ему помогать еретикам-катарам и графу де Сен-Жиль! Король Педро сам навлек на себя гнев Божий, а ты, мой честный де Марли, был только карающей десницей Господа! Забудь обо всей этой языческой дребедени, ради Бога!

Бушар истово перекрестился и ответил:

– Да! Забудешь тут! Если сам увидишь, как тень короля выходит из меча и, постанывая, ходит ночами! Волей-неволей, а поверишь в легенды! К тому же, гостил у меня в замке в прошлом году один немецкий епископ. Он возвращался из паломничества, ну, ездил в Сен-Жак-де-Компостель в Испании. Так вот, он-то мне и рассказал об этом древнем тевтонском обряде с мечами. Ведь, посудите сами, вы все потомки тех древних франков, которые вместе с другими германскими племенами покоряли Римскую империю! Значит, наши предки тоже так делали! Вспомните, хотя бы, короля Артура и его Эскалибур, или, к примеру, нашего франкского рыцаря Роланда! У него меч имел свое собственное имя – Дюрандаль! Даже покойный, царствие ему небесное, король Ришар Кёрдельон свой меч именовал именем «*Шарлемань*»!..

Жильбер де Клэр тихо кашлянул, привлекая к себе внимание, и сказал:

– Насколько мне известно, из древних легенд и преданий старины, франки, к которым мы все относимся, в том числе и я, произошли от легендарного Франка, сына короля Приама. Его отпустили греки. Они уважали его мудрость, благочестие и порядочность! Значит, получается, что мы не относимся к германцам! Наши далекие предки владели Троей! Отсюда, у нас такая постоянная вражда и природная ненависть к грекам! Даже император Шарлемань отказался жениться на Ирине Византийской и объединить под одним скипетром Великую Римскую Империю! Он сказал, что, если не он сам, то его потомки, все равно будут владеть Константинополем! Прошло почти четыре века – и франки владеют столицей Византии! Мы не германцы! Франки – не германские племена!..

– Спасибо, мессир Жильбер... – поблагодарил его маршал. Ги повернул голову к де Марлю. – Вот, слышал? Мессир Жильбер очень образованный сеньор. Он слышал много поучительных историй и не станет попусту врать, чтобы успокоить тебя, мой друг...

– Может быть. Может быть... – тихо ответил Бушар, как вдруг, его глаза блеснули, и он громко ответил. – Но, я же собственными глазами видел призрак несчастного короля Педро, убиенного мною! Если бы, следуя древней традиции, я обозвал свой меч каким-нибудь именем,

души рыцарей и короля Педро не томились сейчас в мече! Только из соображений, что его мятущаяся душа может вселиться в случайного человека и замучить его до смерти, я и решил никому не позволять прикасаться к мечу. Сам его чищу, точу и полирую, от греха подальше! И вообще, я дал обет, что больше не подниму этот меч против праведного католика...

– Вот, этот последний твой обет – самый правильный! – Поддержал его Ги, пытаясь немного успокоить разволновавшегося рыцаря. – Мы сейчас, как раз, в тех краях, где среди врагов ты не встретишь ни одного католика! Только альбигойцы и прочая нечисть, тьфу ты, прости меня Господи!..

– А их светлости графы де Фуа, де Комминж и семейство де Сен-Жиль? – Переспросил Бушар. – Как с ними поступать?

– Очень даже просто, мой друг! – Усмехнулся Ги де Леви. – Как твой маршал и официальное лицо короля Филиппа в еретических владениях, я повелеваю тебе без сомнений применять свой меч-бастард против всех врагов короны, живых или мертвых, мужчин или женщин! Мой приказ будет для тебя, мой верный друг де Марли, своего рода святым крестом, который оградит от кары Господней! Ты только будешь выполнять приказ, значит, греха на тебе не будет, он будет на мне! А, если быть честным, грех ляжет на его величество Филиппа! А наш король – помазанник Божий, уважаемый и почитаемый его святейшеством папой Римским! Его сын, наследный принц Людовик де Франс, уже надевал крест вооруженного паломника и бывал в этих краях. Значит, наплюй и разотри! Ты, мессир Бушар де Марли, крестоносец, значит, на тебе нет, и не будет грехов!..

Бушар почесал затылок, подумал немного, улыбнулся и ответил:

– Уговорил! Только, не обижайтесь, мессир, но я все-таки съезжу в аббатство Фанжо, где освящал свой меч граф Симон де Монфор перед Мюре и попрошу Господа забрать все души из моего любимого бастарда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.